

63.3(253.34Том-6ком)

Д-69

Минот Лугова
гории с указанием
автор В. Кош
22.11.52
Минот

Валской нефтегазозахватной
экспедиции 30 лет

**ДОРОГА
ДЛИННОЮ
В 30 ЛЕТ**

63.3/253.3-4Тюм-6Хон
Д69

**Дорога длиною
в 30 лет**

Посвящается людям
Ваховска и Ваховской
нефтегазоразведочной
экспедиции

МБУ «Централизованная
библиотечная система»
Инв. № 53655/2-(2)

053655002

Мегион ЦБ-КО

г. Нижневартовск
Издательство "ПРИОБЬЕ"
1994г.

ДОРОГИЕ ЖИТЕЛИ ВАХОВСКА!

Разрешите поздравить ВАС с 30-летием образования Вахской нефтеразведочной экспедиции, искренне поблагодарить за многолетний нелегкий труд.

30-летний путь был большим испытанием для экспедиции и нашего поселка. За эти годы мы вместе пережили немало трудностей и радостей, подъем и спад в экономике и хозяйственной жизни. Но нам есть чем гордиться, тем, что за 30 лет коллективом экспедиции разведаны шестнадцать месторождений углеводородного сырья с запасами в 500 миллионов тонн. Девять из них уже эксплуатируется.

Думаю, что сегодня каждый из нас может гордиться и новостройками родного поселка, в котором все сделано нашими трудами, нашими руками.

Думаю, что будущее мы должны связывать не только с геологией, но и добычей нефти, разработкой сырья для стройматериалов, производством кирпича, переработкой леса, рыбы, дикоросов. Эта программа на многие годы и для ее реализации, для достойной жизни как никогда нужны сплоченность, коллективная энергия и усилия.

Низкий поклон всем.

Мира и здоровья каждой семье, каждому дому!

Н.М.МАЛДЖАНОВ

В книге использованы материалы и воспоминания бывшего главного инженера Ваховской НГРЭ В.Козлова (на снимке), Б.Сырпина, П.Жербака.

Дорога!..

Символ движения, жизни, судьбы!..

Дорога! Символ прогресса, связи с Большой землей, с миром, с человечеством!..

Дорога... Символ стабильности, определенности: куда-то да выведешь!.. Направо, налево, вкривь, вкось или - прямо: к намеченной тобой цели, к твоему "светочу, солнцу, мечте"...

Но это - дороги ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕЙ. ПЕРВОПРОХОДЦЕВ! И идти по ним - избранным! Первооткрывателям! Первопроходцам! И пусть другие эти дороги покроют бетонными плитами, заасфальтируют.-

они уже не будут ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯМИ ПЕРВОПРОХОДЦАМИ Они, не умаляя их заслуг и достоинств,-ПОСЛЕДОВАТЕЛИ, идущие по преложенным дорогам, обозначенным маршрутом, туда к обозначенной "сигнальными огнями" мечте.

Нефтеразведчики строят свои дороги. Дороги, по которым пойдут другие. Нефтеразведчики - особые люди подобный соратникам Ермака, Хабарова, Санникова. им должен "бить в ноздрю" ветер пространств и открытий. Разные они: по уровню образования, условию формирования их, как личностей, взглядом на многие моральные ценности, на вкус, на цвет,-но это: необъяснимая жажда "пространств и открытий",-что ни говори мой наверняка имеющийся оппонент,-она их всех объединяет! По крайней мере, объединяла до сих пор. И как это не парадоксальным покажется, разъединить их может, на большую-меньшую группу не метафорическая "дорога" мечты, а вполне реальная бетонка, соединившая ваховчан с миром и с человечеством. Но те, кто были ПЕРВОПРОХОДЦАМИ, ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯМИ, смену себе воспитали. Только не поместили бы ее, ту смену, под силового поля колпаком прозрачным, но замкнутым

*Зимой суровою и летом
Однообразна и сера,
Как первобытная планета
Сибирь нас встретила вчера.*

*Среди холодного безмолвья
Земли, продрогшей до костей,
Лишь одинокие зимовья
Нас привечали, как гостей.*

*Безрезультатную разведку
Вели не год мы и не два,
И от сомнения нередко
Ходила кругом голова.*

*Но не напрасно словом ратным
Разведчик называют нас:
Не повернули мы обратно -
Нашли, открыли нефть и газ.*

*Нашли! Всесильному неверью,
Пурге, болотам - им назло.
Кто наши тяготы не мерил,
Пусть говорят, что повезло.*

*И пусть все меньше помнят первых-
Нас заслонила та весна,
Когда решительным манером
На север двинулась страна*

*За черным золотом...
(... и нам давали ордена!).*

И снова о дорогах.

"Самолет - хорошо, вертолет - хорошо", а дорога - лучше! В начале шестидесятых, когда только прорезалась сибирская, а вернее тюменская нефть. каких только

прожестков не возникало: и монорельсы, пневмотрубы, и дирижабли и воздушная подушка. В "Технике молодежи", в "Знании-силе" и технических журналах обсуждалась проблема северного транспорта. Но как и во времена Дария и Александра Великого, осталась дорога. Пусть зимняя, по снегу, как во времена Батыя, но дорога для железных коней.

*К Октябрьским, всем миром, переправа
Наводится обычно через Вах:
На лед настил из горбылей и плах
Кладется, и у нас рассудок здравый,
Все это на страховочных тросах.
И, наконец, желанные морозы!
Ни ветерка. Над Ваховском ёймы.
Как кипарисы южные. И мы
После осенней диккенсовской прозы
Приход встречаем матушки-зимы!
Пробилась первая колонна на подбазу
И как гора свалилась с плеч
Пошло-поехало все. Ожило. И сразу
Культурней стала, замечаешь, речь.*

Дальше - больше. Пробились на Верхнюю Тольку, на Сабун, на Верхнюю Каральку. Сначала - гэтэтэвским следом, потом и кразовским, ураловским, газоновским.

Точно также - в Мегион, в Нижневартовск, в Тюмень. Куда угодно - хоть в Сан-Франциско на своих колесах.

Единственно по дорогам, которые выбрали другие люди, другие ПЕРВОПРОХОДЦЫ, ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ.

А посему:

*Возноси ты не очень свой нос,
Что в тайге тебя жучит мороз.
И не шибко выпячивай грудь,
Что простерся в болотах твой путь.
И на людях собой не кичись:
Интересна у каждого жизнь.*

*Просто в деле своем зная толк,
Выполняй незаметно свой долг.*

На этой ноте, примиряющей открывателей и последователей, я бы закончил вступление к книге.

*Вах затопил все поля и дороги,
Полнится полой водой.
Ах, убежать бы, да белые ноги
Держит, видать, водяной.*

*Вах разошелся. Но, кажется, днями
Он остановится. Жаль.
Платье березки в воде приподняли.
Пробуют: не холодна ль?*

*Лодочных весел короткие взмахи.
Глуби слились с высотой.
Так бы и плыть мне по Ваху и ахать,
Внешней дивясь красотой.*

*Да не судьба. Ждут меня буровые
Отдан я им до конца.
На вертодроме всхрапнут вороны
И унесут молодца.*

О ваховчанах и ваховском крае - "ДОРОГА ДЛИНОЮ В 30 ЛЕТ", - с верностью, нежностью и любовью - к одноВахчанам

Название книги "Дорога длиною в 30 лет" предложено начальником Ваховской НГРЭ Н.М.Малджановым, вложившем много труда и душевных сил в создании этой дороги.

*Бывший главный инженер Ваховской НГРЭ
В.Н. КОЗЛОВ*

ОТКУДА ПОШЕЛ БЫТЬ ВАХОВСК

*Поселок Ваховск - это наша база.
Аэропорт Максимкино...*

В Ваховске я жил и работал с первой половины марта 1975 года по первую половину августа 1981 года, то есть семь зим, весен и лет. И неполную седьмую ваховскую осень. А осень! Любой ваховчанин скажет, что осень в Ваховске - чудо! Только ветер-листобой, следом - ветер-шишкойбой. Неразлучны братцы! А "шурогай" в Максимке или Вахе поутру: бум-блём, бум-блём, бум-блюс. Жилка, как тетива, затенькала, запела, зазвучала: соло на блесне исполняет прогонистая (вот когда сожалеешь о нестандартных фигурах особ женского пола), увертливая щука на кило триста-кило четырёхста. Редко до кило семисот.

В Ваховск я приехал главным инженером. А я был, как многие, так воспитан: куда бы ни направили - надо работать! Оправдывать свою должность и звание горного инженера. Работать головой. Не кичиться, но и блюсти честь горного инженера.

Да. Я приехал в Ваховск работать горным инженером. Внедрять новую технику, новую технологию, дисциплину. Трудовую. Производственную. Технологическую.

К тому времени, проработав после Сургутской экспедиции несколько лет в Главтюменьгеологии, побывав во многих передовых коллективах Мингео СССР, имел достаточно широкий кругозор: как, где, что делают в том или ином случае.

Но осуществлять-то я их стал, - в этом и вся беда - китайскими ускоренными методами.

*Красива осень золотая
И в наших ваховских лесах.
А самолеты в небесах
С далеким гулом пролетая.
На миг замрут: еще вчера*

*Плыла, от края и до края
Тайга зелено-голубая.
А нынче - яркости ковра
Тайгою был вчера который.
Неповторимости узора
И цвета - все не схватишь враз -
Пусть позавидует ШИРАЗ!*

Прилетев в Нижневартовск, спрашиваю билет до Ваховска.

- Ваховск? Ваховск?
- А!..Максимкино? Рядом с Охтеурьем?
- Да! Конечно, если он возле Охтеурья!

Охтеурья я не знал. А если оно рядом с Ваховском - то и прекрасно.

Почему я и эпиграф-то привел такой: Аэропорт - Максимкино.

А был он - поселок Максимкино. Был, прежде чем стал аэропортом. Когда поселка Ваховска на картах навигаторов и не существовало. Было Максимкино - названное в честь реки, а та, в свою очередь, по имени хозяина родовых угодий давным-давно.

В Максимкино прежде базировались и сейсмопартии, и партия глубокого бурения. Было Старое Охтеурье, было Максимкино. А Ваховска не было. Как и многих других столиц возле аэропортов.

Впервые название Ваховск появилось в приказе по ГОСГЕОЛКОМУ РСФСР от 17.09.1964 года N 63.

В соответствии с этим приказом предписывалось:

1. Утвердить в составе Тюменского геологического управления хозрасчетную на самостоятельном балансе Ваховскую нефтеразведочную экспедицию глубокого бурения с местом базирования поселок Ваховск на реке Вах Нижне-Вартовского района Тюменской области.

Протокола собрания коллектива, а ведь в то время все решения партии и правительства предваряли протоколами собраний, я в архивах не нашел. Но он, по идее, должен быть. Помню, тремя годами раньше, я, молодой

специалист, помбур четвертого разряда, в ноябре 1961-го года в перевезенном из Ярсомово клубе, где прямо на земле пола не было - спали не знаю как напившиеся, - при сухом-то у нас законе. - ханты, - мы выбирали, из предложенных президиумом во главе с Ф.К.Салмановым названий: Нефте-Сибирск. Нефтегорск (на бугре ж!), "Нефте... - еще тысячавариантно!"... (люди вспоминали и свою малую родину). Остановились на Нефтеюганске. И в протокол так и записали: просить присвоить поселку геологов наименование - Нефтеюганск.

Наши базы, - словно завязь, - из которой города - и на севере! - созрели.

В приказах предшественницы экспедиции - Охтеурской партии глубокого бурения - фигурирует п.Максимкино. Впоследствии аэропорт. Следом, по Вахскому стройучастку треста "Тюменьгеолстрой" п.Вахский. Значит, не сам по себе возник, а по министерскому велению п.Вахский. Раз уж под это дело стройучасток создали: с начальником, замом, экономистом, бухгалтером, прорабом, мастером, механиками и т.д. и т.п. Только за 65-ый год я прочитал приказ по отделу кадров.

Но в аэропорту Максимкино, где приземлялись АН-2, от аэровокзала, что вроде охотничьей избушки, пассажиров доставляла заиндедевшая сибирская лошадка.

В приказах по экспедиции фигурируют такие профессии, как конюх, печник. Но и появляются новые: механик-водитель АТЛ, АТС или механик широкого профиля, машинист котельной. То есть времена меняются. Даже стиль приказов меняется. После политической патетики - деловитость. Анализ - вместо констатации. Конкретные предложения - вместо устранить, изжить, категорически запретить.

Экспедиция работала, строилась, осваивала новые, все более дальние площади, открывала нефтяные кладовые.

В тюменской книге вахская строка записана.

За тридцать лет на тридцати четырех площадях поработали вахские нефтеразведчики. Район работ

экспедиции обширен: со среднюю европейскую страну. В иные годы приходилось работать на площадях, удаленных от базы на 400-600 километров: без промежуточных подбаз не обойтись. Любопытствующему читателю дается возможность ознакомиться и с районом работ, и со списком площадей и месторождений, и датами их открытия, и с некоторыми статистическими данными производственного и социального характера в приложении и по тексту книги.

30 лет. Много это или мало? В жизни человека, поселка, страны?

Незаметно течение времени. Где та грань, отделяющая один его характерный отрезок от другого? Поколение от поколения? Эпоху от эпохи? Нет ее, четкой грани. Есть только первые вестники смены времен, как весной - проталины, осенью - золотые листочки в зелени кроны, паутинки в полете. Первый седой волосок.

Уже выйдя из молодых специалистов, с семьей, переезжая из Сургута, у меня все имущество уместилось в несколько фанерных ящиков из-под папирос. Это была примета времени.

А когда пятнадцать лет назад чета молодых специалистов отказалась остаться в Ваховске, поскольку им предложили пенал в двухэтажной деревяшке, сославшись на то, что им там не разместить идущую следом в контейнере мебель, я понял, что времена изменились.

И сейчас, в пост тридцатилетнем Ваховске я понял, что времена снова сменились, скорее, не по бетонке, отсутствию знаменитой грязи, коттеджам просторным и обставленным бартером, а снова по мелочи: я видел в июле курортно дефилирующих загорелых девушек в шортиках и понял: в Ваховске времена сменились.

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ СЕМЬ ЛЕТ

'Ах ты, ваховская жизнь.
манишь окаянная!'

Вот так, ножками, куда вздумается, я целых семь лет не хаживал по Ваховску. Бывало, залетал на вертолете: до конторы, и на вертолетку.

- Как?
- Ниче: в норме!
- Тогда всего!
- Всего!

Светлоглазый, с казацкой нахалинкой Олег Леденев топограф и профсоюзный "троглодит", показывал мне Ваховск. Мост. Бетонка. Коттеджи.

Смуглый, чернявый, сдержанный себе на уме водитель Женя, прозванный мной за дорогу пилотом, усмехался хмыкал и по- автопилотски точно крутил баранку УАЗика. бросал иногда меткие реплики и подмигивал. Как, мол, я его, а? Он был в современной водительской униформе: черная борцовская майка, джинсы и кеды Симпятага-парень В авиации, по старым понятиям, был бы Покрышкиным не Покрышкиным, но асом он был бы точно. На переправе через Вах приезжаем последними, а взлетаем с апарельки на пустую бетонку первыми.

Напоследок, перед гостиницей, попросил я его провести меня мимо бывшего моего дома

*Милые березки! У меня
Легкая рука, наверно, все же
Как вы в рост идете, затеня
Мне окно зеленою мережей.*

*По соседству шелковистый кедр
Как мальчишка, приотстал он в росте.
А под ним шиповник в холодке
С юношески неколючей остью.*

*Те, кто забывают доброту.
Вряд ли на нее способны сами.
Мне ль забыть ржаную корку. Ту,
Поданную легкими руками?*

*Почему ж бегу я от людей
В этот длинный день солнцеворота?
Я ведь не лентяй и не злодей.
Знаю горечь слез и сладость пота.*

*Отчего же тянется ладонь
К сердцу, что набухло, словно почка.
Я полью вас, милые, водой
Дождевою из дубовой бочки.*

*Примете ль меня в свою юдоль
Боковым прикомлевым росточком.*

Березы действительно заматерели. Матерый. Не понимаю, как так получилось, что это прилагательное обычно относится к мужскому полу. Березы заматерели. Да. А кедр? В сторонке стоит, несмелс, как прыщавый гимназист. Прости меня, дорогой, что посадил тебя на солнцепеке. Тебе же тень нужна для мужания.

Как раннего поэта можно испортить публикациями и юпитерами, так кедренка солнцем.

Деревя. Узнаете ли вы меня? Это я 17 сентября 1975 года окапывал вас внизу, за белым домом, в пойме Максимки, подрезал ваши слишком уж распластавшиеся, вольготно корни и тащил сюда, к строящемуся для главного геолога и главного инженера коттеджу из круглых ошкуренных сосновых бревен, автором проекта начальник экспедиции А.Я. Вырвыкишко, и опускал вас в заранее приготовленные и удобренные глубокие и широкие ямы. И вечером, когда у меня трусились ноги и я нес последнюю рябинку, мне встретилась молодая симпатичная татарочка - лесничая.

- О! - сказала она, - ваши посадки примутся. Во-первых, дождь мелкий пошел. А во-вторых, сегодня - День лесника.

И в самом деле все прижилось. Большого того: в подлеске пошла смородина, малина. От конопатки оставшийся мох вдруг, после дождей, заягодился. Грибы были.

Два года в низинке двухметровая елка жила. Но отопление в ту пору было паровое: в январе конденсат под сугробом, изменив направление, подтопил и загубил елку: она начала блекнуть, а к весне побурела.

Остальные деревья зеленели, шумели и росли.

Убедился: растут. Значит, одну из заповедей - посадить и вырастить дерево - я выполнил.

Через неделю состоялся экспедиционный субботник. Высадили деревья вокруг конторы.

Была прекрасная погода. Начальник планового отдела Б.С. Мельцер организовал на краю летного поля застолье. Контора работала с подъемом. Транспортный цех помогал с энтузиазмом: два АТСа, бортовые.

Как этого порой не хватает - искреннего общения.

Милые березки.

Как сказал великий Поэт:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Бросаю портфель в комнату - модуль импортного производства гостиницы - и иду на кладбище.

*Разведка не обходится без риска,
Злосчастья не обходят нас упорно.
И каждый год один-два обелиска
Мехцех наш делает с оградкою узорной.
И мы скорбим, не приходя в отчаянье.
Утраты как бы ни были горьки,
Сплотили нас Мы все - одноВАХчане,
С известной своим норвовом реки
Друзей не позабудем, земляки!*

Иду по поселку и испытываю двойственное чувство: он и не он.

Отсыпан песком, бетонные плиты на некогда непролазных улицах

*Но более всего у нас хлопот
С поселком: грязь. Отсыпать
Бы песком как у нефтяников, хотя
Бы через год.
Ну, а пока - в мехцех от вертолетки
И к продуктовым орсосским складам
ЗИЛки проходят с горем пополам
На будущее есть у нас наметки
Как им не быть? - грязь надоела нам.*

Сбылись мечтания - по всему Ваховску - хоть в тапочках.

А вот и Вах. Быстротечный, как время, переменчивый, он тоже способствует обновлению поселка: моет берег, рушит строения. За семь лет метров тридцать съел. Что берега. Сколько жизней - молодых, красивых, беспечных, унес наш распрекрасный Вах.

*Ни крепкий утренник, ни майская пороша
Уже не остановит ледоход
Вах вздыбился - и людям жребий брошен
Того гляди и головы снесет.*

*Пурга весенняя завьюжится - и тут же
Становится дрябнею и дождем.
Вах полнится. И вот он, поднатужась,
Крушит заторы, помощи не ждет.*

*Излучины он правит без лекала.
Искусны сопряжения кривых.
Беспечных жертв душа его алкала:
В поселке нашем их живет немало, -*

*Вах к жертвоприношениям призывк.
Как всхлип волны ему - последний крик.*

А вот и кладбище. Обнесено новым штакетником, но он кое-где повален: рядом отсыпали песком куда-то дорогу - он и опрокинул штакетник, водитель самосвала, видать, был не ваховчанином /Друзей не позабудем, земляки!/
Валера. Иван. Михаил. Василий. И еще, и еще. По разным причинам покинули вы этот мир, но я вас помню живыми. Вы ушли из этого мира в его минуты роковые не по моей вине, но я почему-то, хоть опосредствованно, но чувствую ее: простите меня.

Выхожу из кладбищенской гривки, когда солнце закатилось.

*Закат на оттенки богат,
А те - на приметы в народе.
Сейчас инкарнатный закат.
К какой, интересно, погоде?
Уж больно тонки в нем тона.
Румянец чуть-чуть золотистый,
Бледнея, меняется на
Бескровный, а тот - на землистый.
Таков же, видать, переход
Оттенка в оттенок и в жизни.
Давно ли был юным. И вот
О друге я плачу на тризне.*

Вздыхнув, я отвернулся от заката и пошел в поселок, на лиловеющий восток: предстояли встречи с живыми, ныне здравствующими ваховчанами.

Ну с кем не встретишься на обратном пути - с работы народ.

- Ваховск-то свой узнаете?

Молчу: рукой - прощающее движение. Правой - вниз, левой - вверх. Как хочешь, так и понимай. С одной стороны - восхищение, а с другой - таким подстреленным крылом, и - разочарование.

Это уже после жалоб на ваховскую жизнь, на начальство, на судьбу, на соседей, на сглаз и - изредка, - на самих себя.

МБУ «Централизованная
библиотечная система»

Инв № 53655/2-12

Я и говорю:

- Узнаю! Как ваховскую жизнь не узнать? Она где бы ни был, ваховская.

*Эх ты ваховская жизнь
В крапинку, в полосочку.
То тоска, хоть в гроб ложись,
То как принял соточку.*

*Эх ты ваховская жизнь
Ягодка с утрускою.
Ваховчаночка, кружись.
Правим свадьбу русскую.*

*Эх ты ваховская жизнь.
Над сыпучим берегом.
Не сказала побожись
Комсомольцу верила.*

*Эх ты ваховская жизнь
Издали приманная
Сколь по свету не кружись
Манишь окаянная.*

*Ничего, земляк, держись:
Тут - бетон, там - досочка
Будет у тебя вся жизнь
Светлая полосочка.*

Первые впечатления, как пена на пиве, на парном молоке или шампанском, - осели, погасли, сникли; пора вкушать суть: пиво, молоко, шампанское, вкушать и сравнивать с предыдущими ощущениями, а они у меня свежи, будто все вчера.

Хожу и сравниваю. Не с 13-м годом, а с тем, что было 13 лет назад, еще при мне.

Бетонка, коттеджи, ангары складов и спортзала, новая средняя школа.

Детсад, музыкальная школа, пиццерия - сказка - на месте старого детсада

Вышка с телерадиорелейными антеннами.

Палисадники с аленькими, голубенькими цветочками и шикарными осенними астрами и диковинными с брызгуче-золотистыми кистями, выше штакетника, зарослями.

Грядки с помидорами и зеленью за штакетниками.

Капитальные теплицы, огуречные - перевернутыми ваннами, - навозные ряды под пленкой.

Ярко-зеленые морковные посадки; темнее, припашистые: петрушка и кинза, сельдерей и пастернак (по-ваховски зелень) и, конечно, вездесущий укроп.

Все это - на виду. Радуйся хозяин и прохожий, радуйся изобилию ваховской земли.

Сажают старожилы здесь картошку.

И стали появляться парники

У стен сараев, как бы понарошку.

А свойские огурчики сладки.

Уж несколько подвижников буренок

Содержат очередь за молоком

К ним устанавливает чуть не разведком.

Тогда, в конце навигации, страда: самоходки пришли с картошкой, капустой, морковью. На разгрузку кидаем контору, снимаем, случилось, бригады с производства. А картошки и овощей, зачастую, к весне не хватало ни для поселковой столовой, ни для котлопунктов на буровых: импортную картошку (в основном из Польши), подкидывали бывало по весне.

- В прошлом году, - говорят мне ныне, - поселок был по овощам на самообеспечении.

В сентябре этого года иду по Ваховску. Преддверье бабьего лета. Нежаркое солнце. Легкий ветерок. Воскресенье.

Копает картошку Иван Алексеевич Жданов. Сухая картошка сушится на земле.

Павел Алексеевич Грачев скопил возле дома картофельную ботву, а на дальнем участке, за городом, уже выкопал.

Трудится на своем подворье с женой Надеждой Рома - водовоз.

Кочнев (по-грачевски Кочерыга) в отпуске; но сын его Володя дома.

- Как урожай? - спрашиваю.

Скромничают, но отвечают, как сговорились:

- Ничего, до нового урожая хватит.

- А как огурчики-помидорчики, грибки?

- Подполье - все не все, а уже заставлено: N-ое количество, у одних - 50, у других - 100 баллончиков.

Вот тут и позавидуешь белой завистью ваховчанам. живущим в своих виллах-коттеджах. Поменял бы свою квартиру в каменно-железобетонном доме на это. А ведь из-за чего и уехал-то в свое время? А вот из-за этого самого: поближе к коммуникациям, т.е. к аэропорту, межгороду, к среднему и высшему образованию, к филиалу Академии, к цивилизации, одним словом. И что выгадал в конце концов? Если на сей момент, то час с небольшим. А зато что потерял? Ваховск!

Ну ладно, Бог с ней, с картошкой. И даже с соленьями. В Ваховске - я сам в этом 13 лет тому назад убедился - даже клубника вызревает.

Стоп, стоп. Труб над коттеджами не хватает. Отопление.

Да, над Ваховском дымы, как кипарисы южные.

- Сейчас, - сказал Малджанов, - только над банями-саунами, которые почти у каждого жителя, - дымы.

Для кого-то мелочь, проходящий штрих, но не для моей жены, которой в 75-81 годах приходилось иметь дело с сырыми, крупно колотыми дровами, привезенными в мое отсутствие. Да и сам я вдоволь намахался колуном. Да и прелести парового отопления позже в новом доме вкусил сверхсыти: температура по синусоиде, стрельба при продавке линий, пересушенный воздух. Кто испытал все это, тот оценит водяное отопление.

И еще: помойки и туалеты во дворе. Нет их. Беседую с хозяином одного из коттеджей, вдруг он срывается:

- Извини, мусоровозка.

- Через некоторое время на всякий случай деликатно замечает:

- Если что, туалет вон там, ванная рядом.

А 13 лет назад? Сколько досок извели на разных конструкций помойные ящики. Если бы продать их за валюту, давно можно было замостить и улицы, и пустить мусоровозки. Собаки у ящиков с отбросами, мухи, сороки и вороны. Даже у навещавших поселок санврачей это не вызывало возмущения. Хлорка, хлорка Ассенизатор (добросердечный дядя Саша Чистяков) пусть регулярно обрабатывает туалеты и мусорные ящики.

Конечно, девочки в шортиках и пляжных сланцах, в панаме, направляющиеся к мосту через Максимку, излюбленному ныне месту отдыха ваховчан, прежде прозаических примет смены времени произвели впечатление на меня, ходившего почти все лето в болотниках, в накомарнике, и даже дома спавшего под пологом. Но по мере того, как возрастал мой новый ваховский стаж, я видел все более широкий спектр этих примет.

Библиотека. Прежде находилась в избушке на курьих ножках, хотя, честно говоря, была на уровне, сейчас размещается весьма вольготно: и читальный зал и просторный доступ к стеллажам с книгами, к стендам с новинками и тематическими подборками. Читатели - более половины жителей Ваховска, но старый да малый в основном взрослых меньше.

На месте старой восьмилетней школы огромный, хоть на самолете летай, спортзал. Школа на новом месте Одиннадцатилетка. Два выпускных класса, а всего - 24. Последние, старшие классы экспериментальные. Детский садик прекрасно оборудован, оснащен, и работают там люди, посвятившие детям буквально всю жизнь: Любовь Мастяева, Лилиана Малджанова и другие. Здравпункт был

напротив экспедиции: натуральный скворешник из бревен, рубленных в чашку. Сейчас он в белом просторном здании, по обе стороны длинного коридора кабинеты врачей, процедурные кабинеты. Медперсонал я застал на технологическом перерыве за чаепитием. Людмила Крюкова предложила чашку кофе. Поговорили, вспомнили старое.

- Стационар нам не нужен. Это раньше мечтали. А сейчас, раз дорога есть, с госпитализацией нет проблем: в любое время суток и года можем через несколько часов отправить больного в городские стационары, современно оборудованные, с лекарствами тоже нормально.

Как не вспомнить ночные вызовы санавиации по нашей экспедиционной рации, когда, как назло, и радиопрохождения нет. Однажды, помню, аж через Дудинку, которая слышала наши позывные и авиаторов. Пришлось передавать необходимые данные.

Но проблемы у ваховских медиков есть: заболевания, связанные с железистой водой, простудой неумеренным потреблением некоторыми ваховчанами алкоголя. описторхоз, старение среднего возраста жителей и т.п.

Напротив амбулатории среди золотеющих березок, в бывшем детском садике, бывший геофизик Владимир Богданович строит пиццерию. Именно строит. От старого здания, по сути, только крыша. Проект, идея, авторский догляд - его, а исполняют умелые руки Василия Кокушева, калужанина, и челябинца Геннадия Болсуна. Потомственных мастеров, их отцы и деды работали по дереву, запах стружки, теплая, почти женская, гладкость полированной древесины знакома им с детства. Потому так радует глаз и веселит душу отделка пиццерии.

- Прежде увлекался фотографией, - вспоминает Богданович. - Да условий не было, бросил. Думаю сейчас: зачем была геофизика? Вот чем надо было заниматься.

Да, не верится, что все это можно создать руками из ваховской древесины. Как тут не вспомнить нары из

неструганной "щелевки" в балках на буровой на подбазах? Один и тот же материал.

В последний приезд, пасмурным сентябрьским вечером, возвращаюсь в гостиницу. Из калитки стремительно появляется и идет впереди женщина в спортивном костюме. Узнаю Татьяну Горявину.

- Танечка, ты ли это? - окликаю ее.

- Я. Я, В.Н., конечно я, - отвечает она.

- Далеко ли?

- В музыкалку. В командировку еду, надо кое-что директрисой обговорить.

В прежний приезд я несколько раз проходил мимо беззвучного, широким прямоугольником стоявшего на отшибе, между гостиницей и улицей, одноэтажного здания. Мне говорили, что это новая музыкальная школа. Поэтому я и напросился в попутчики к Татьяне.

Очаровательная директриса показывает новенькие классы, попутно говорит о проблемах. Я слушаю, осматриваюсь, иногда механически, из вежливости, но чаще искренне восклицаю:

- О, завидую ваховчанам.

И, наконец, убит наповал.

- Боже мой! Балетный класс. Батман-тандю, демиплие. фуэте, пуанты, пачка. Старшую дочь когда-то в Тюмени водили в балетный класс, - поясняю сопровождающим. И пусть она в "Буратино" станцевала всего лишь горожанку, сколько было волнений и у нее, и у матери с бабушкой. И на всю жизнь осталось нечто в походке, в осанке.

И пусть из ваховского балетного класса не выйдут Надежды Павловы и Екатерины Максимовы, но люди, обладающие чувством прекрасного, уверен, будут. Воистину красота спасет мир.

Время. Ты созидашь прекрасное, но и разрушаешь. Ты рождаешь, но и старишь. Ты длишься томительно долго, и пролетаешь мгновенно. В тебе вся диалектика жизни.

Время коснулось и моих ваховчан - современников своим осеняющим приездом.

Захожу в контору, в гараж, в мехцех. Новые люди, но многих и узнаю, в молодых - родительские черты, а в заматеревших, в осенней изморози "глухарях" - "стариков". В гараже встречаю Сашу Кайгородова, старшего из братьев Кайгородовых. С ним и на цементажах бывал, и на "Урагане", случалось, ежживал.

- Как жизнь?

- Так-то и ничего, да аллергия прицепилась. От солярки да от простуды. Вылечишь малость, опять высыпит, суставы ломит. А так бы ничего! - улыбается Саша, трогает густой еще, но поседевший, чубчик широкими мозолистыми ладонями. Это они крутили гайки в жестокий мороз, очищали их от цементной крошки, солидолом мазали негерметичные "всасы".

Павел Грачев снимает с АТСа выхлопной коллектор, что-то у него не ладится, слышно, как он про себя, автоматически, не на слушателя, матюкается.

Сухощав. жилист, невысок, шумен и задумчив рязанец Павел Грачев. Не раз и не два приходилось ездить с ним на ГТТ или АТС на отбивку точек и с Елизаренко, и с Малджановым по снежной и таежной целине по сейсмопрофилям. Как механик-водитель он ас. Их и осталось, водителей военных тягачей, в экспедиции, мне кажется, только двое: он и Федя Юсупов.

Юрий Прокопьевич Небогатов, Владимир Антонович Смоленский. Мне они симпатичны. Они разбирались не только в дизелях, но и в людях. И при всех своих слабостях были добры и отзывчивы. И великодушны. Мал, да удал - не напрасно родилась поговорка. Вот и Паша из этой же категории людей. И Вениамин Тихонович Кривощеков, бывший дизелист, ныне слесарь-ремонтник, родившийся накануне войны в советском городе солнца Новокузнецке и хлебнувший в детстве и юности тягот, с семнадцати лет работавший в шахте, поднимавший целину с 62-го года, с Баграса, осваивавший Тюменскую нефть. И Валентин Нефедов, родившийся в станице Березовской у реки Медведицы. Электрик, монтажник. В армии, к слову,

занимался энергообеспечением Останкинской башни. Только удапой мог зимой нырять в воду, чтобы зацепить канат за провалившийся ДЭТ- 250. Вот оно, советское воспитание: сам пропадай, а технику спасай. Что нисколько не умаляет личности спасающего.

Еще и еще встают перед глазами земляки-усть-балыкцы. сургутяне, тюменцы, мегинцы, ваховчане. Малы и велики, но все - удалые, мужественные и красивые. И те, кто ныне здравствуют и красивы своей физической красотой, пленяющей женщин, и те, кто угробил свое здоровье, враз или медленно, искренне, честно выполняя свой долг, как он его понимал, на своем рабочем месте, над геологической картой, над каротажками, на буровой, в ожидании керна или результатов ГИС. Как главный геолог Виктор Каспшак, как главный механик **Алексей Стрелец,*** прошедший все предшествующие рабочие должности: слесаря и механика, когда приходилось работать и среди пышущего жара дизелей, и тянущего тепло из тела стынущего металла на неподвижной старой буровой. И Александр Лебедев, казалось, вечный заведующий центральным складом, только при авральных работах бравшийся за резак сварки. Уже тогда потолочные швы давали знать. Так что есть красота - вопрошаю я вслед за Николаем Заболоцким. И почему этих моих земляков любят люди, товарищи, женщины, значит, что-то есть в них такое, что на первый взгляд скрыто. Конечно внутренний огонь.

И ваховчанки, как истинные сибирячки, соединяют в себе и женственные очертания кувшина, и огненную сущность пламени, пылающего в нем

Встреча через семь лет. Дай Бог, чтоб еще встретиться с Ваховском и через семь, и через десять лет. Увидеть новые приметы смены времен и поколений при неизменном стремлении к красоте, с огнем, мерцающем в душах.

* Когда готовилась книга, Алексей Алексеевич Стрелец, в возрасте 42 лет, после тяжелой болезни скончался.

ОТКРЫТИЯ - НА ДОЛОТЕ

Открытия - у буровиков на долоте. - Иван Николаевич Гаевский, 37-летний начальник ЦИТС Вахской НГРЭ, произносит эту расхожую фразу свежо и убежденно, как только что рожденную.

- А что, не так? - улыбается, сверкнув золотым зубом. Истинный буровик-патриот.

Фигура у него убедительная: крепкая голова в ранней седине по-борцовски сидит на мощных плечах.

- Вот уж кто заматерел так заматерел, - невольно отмечаю я.

Краткая биографическая справка: родился 16.04.57 г. в г. Ишимбае. Отец, Николай Иванович, 32 г. вместе с крымскими татарами был выселен из Крыма. Дед Иван пропал безвести. Бабка по отцу, Мария Христофоровна, гречанка, после освобождения Крыма от фашистов прикладом по спине получила от НКВДэшников. Мать, Любовь Ивановна Мохова, воспитывалась в Башкирии в детдоме. У Ивана две младшие сестры. В Ишимбае он закончил школу, затем нефтяной техникум там же. Женился. До армии успел полгода поработать в Мегионском УБР. Служил в войсках ПВО. После дембеля поработал немного в МУБРе, а в феврале 79-го приехал в Ваховск, где работает и сейчас. Дочери недавно исполнилось 18 лет, учится в Салавате.

В экспедиции Гаевский некоторое время работал в конторе. Заметив, что Иван Николаевич тяготеет бумажной работой, я дал ему возможность постажироваться бурильщиком, а затем перевел в буровые мастера. Обороты, известность, как буровой мастер, он приобретал уже без меня. Когда мы через несколько лет встретились на Бахилевском месторождении на аварийной скважине, он уже был знающим себе цену специалистом.

- Забой! Вас только забой и интересует, - жестко разговаривал тогда он с кем-то из начальства. - А мои заявки выполнять будете? Или тяжеловесы завезли, трубы

и цемент, - и все закрутится? У меня несколько десятков наименований мелочевки заказано, когда привезете?

Я напоминаю ему этот разговор сейчас. Смеюсь.

- Теперь с тебя требуют мастера?

- С меня, с меня, - сверкает зубом. крутит головой Иван Николаевич, начальник ЦИТС. - Поздравить можно моих главных буровиков?

Зимин Анатолий Михайлович, Шавердин Алексей Михайлович, Первухин Николай Григорьевич, они отстаивают честь Вахской НГРЭ сейчас, поздравлю их персонально с юбилеем экспедиции.

"КОЧЕНЬ" С ВЕРХНЕЙ ТОЛЬКИ

Верхняя Толька многих высветила своими экстремальными условиями. В том, что мы с грехом пополам ее "вытянули", была несомненная заслуга вахты Кочнева. Только она двигала дело, остальные или чуть поддерживали жизнь на буровой, или, хуже того, отбрасывали назад, замораживали циркуляционную систему, выводили из строя оборудование. Естественно, не по злему умыслу.

Вчера в Охтеурье повстречался мне его сын Володя, произящее молодого отца своего, сам уже отец двух сыновей, но такой же стремительный, резковато-добродушный и отзывчивый на "надо", как и его мосластый, поджарый от житейских забот отец - Геннадий Илларионович Кочнев. Родился Володя в Ваховске в ноябре 1966 года. А его сыновья - третье поколение Кочневых - в 90-ом и 92-ом. Династия пошла.

Большинство из тех, кого я когда-либо просил поделиться воспоминаниями о своих предках, кто, откуда они, к сожалению, далее деда с бабкой не помнили. Вот оно. последствие отлучения от своих родовых корней: сын за отца не ответчик. Не отсюда ли и многие наши беды?

Вот и у старшего Кочнева такая же ситуация с генеалогическим своим деревом.

Голос у Геннадия Илларионовича Кочнева нутряной: бубу-бу...

- Бабку Марину, по матери - помню, - бубнит Кочнев. - По отцу, говорят, умерла в ночь, как я родился.

Хоть говор у него нутряной, но говор чуток на "о", быстр, переливчат и внятен, словно у ручья, почти речки, бегающей по камням, округлым, сложенным.

Село Борок в Татарии, в 12 км от Нижнекамска - родина Геннадия Кочнева и его отца Иллариона Степановича. Там же его родитель будущий встретил свою половину - Анну Васильевну. Но нажив с ней четверых детей, метнулся к другой и с нею нажил еще четверых. А

когда прибрал ее Господь - вернулся с детьми к первой семье. Один звал мать мамой, а другой - бабушкой.

- Ничче!.. Жили и тогда по-братски, и сейчас живем. Младший, который звал бабушкой мать нашу, ездит к ней и поныне.

Трагическая, казалось бы, ситуация, но в голосе обиды нет.

- Ничче. Выжили. Родни много было - помогали. Да сами, как себя помню, сложа руки не сживали. Я росточком чуть поболее кнутовища был, когда скотину начал пасти. Как время пришло, в школу пошел, в Борокскую семилетку. Хорошая была школа: после пятого класса из других деревень принимала.

Школу закончил, работать стал. Так бы че?.. Может, и дальше учиться пошел, да старшего в армию забрали, среднего - в ФЗУ. Тоже желанья не больно спрашивали, по разнарядке посылали, а иначе - принудработы. Вот и пришлось до армии кнут, невод и лопату обымать. А проще - куды пошлют. И натурально, и словесно. Оттель у меня и грубоватость, сызмальства выпитывал, вот оно и аукает. Счас что? Можно и покаяться. Но ведь и до сих пор оно это крепкое слово русское, помогает. Чего бы, когда вот понадобилось на прорыв, опять про Генку Кочня вспомнили. Вишь, зовут. Помастери. Приходили вот. Как быть? Согласился.

Да ладно. Чего уж. А про жизнь, коли интересно, так было. Осенью 59-го в армию взяли: пехота-матушка. В Казанских лагерях учебку прошли, двинули - солдатское радио говорило - в Германию. Только на Польшу въехали поворот. В Брест. Че уж у них там, в верхах, произошло, Бог знает. В Белоруссии, словом, стал служить. А в 61-ом сокращение. Ну, когда Никита на миллион двести шарашнул. И нас из пехоты - в стройбат. Вот и сокращенье. 3 года 2 месяца 7 дней служба была.

А потом че? Опять в Борок. Только работать стал на производстве в "Волголесосплаве". Плоты с Белой, с Камы перевязывали. До 40 тысяч кубов в ином плоту доходило.

До Астрахани по Волге спускались иные. Не просто это дело, тож ума и здоровья требует.

Вскоре и оженился. Марию вот взял. Стала у нас с ней своя семья, своя планида. И подались в 64-ом на Север. В Нефтеюганск сначала. Квартеру снимали, как воробьи под застрехой. А после работы балок себе рубил. И так всю жизнь. Вот эту квартиру тоже все сам. Да и материалы тоже, где за бутылку, а где и... Другие всю жизнь на все готовенькое, а мы - вот так, своим горбом. Но ничче... есть еще на мослах кое-что. Да и клешни, - он потряс своими широкими ладонями, - ишшо ухватисты. А ей. Баба все ж. В Нефтеюганске-т первенца похоронили. В 66-ом, здесь уже, в Ваховске, его вот, Вовку, смастрячили.

Геннадий Илларионович (обычно Ларионыч) хлопнул сына по плечу с татуировкой, прославляющей Тихоокеанский флот, и сказал: "А дальше че? Ваховскую жизнь ты мою знаешь".

И про Верхнюю Тольку я вспомнил не зря и с нее начал рассказ про Геннадия Илларионовича Кочнева.

*На таких мужиках, простоватых,
Некрасивых, чумных, рябоватых,
Чуть поддатых, заросших, кудлатых,
В кирзачах, телогрейках, бушлатах.*

*На угрюмых, сноровистых, хватких,
На любителей правды несладкой.
Молчаливых, пытливых, смешливых,
Совестливых до рези в глазах,
На святых! - пока держатся нивы
И заводы в больших городах.*

В САДУ КАПИНА ВЫЗРЕЛА

*Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий. Июнь голубой.*

Иван Алексеевич Жданов и его жена Людмила Михайловна вышли во двор проводить меня.

Они живут на берегу Максимки на старой улице в деревянном доме, построенном еще при мне т.е. чуть не поколение назад.

Черемуха цвела. О - это Людмила Михайловна. - Чудо! Запах. А цвет. Как невеста.

- Сильно цвела! Толк будет или нет - поглядим, - это Иван Алексеевич. А в прошлом году, он говорит со своим привычно скептическим смешком - ведро черемухи нарвали. Вот такие кисти были.

Людмиле Михайловне не нравится его практицизм.

- Причем здесь урожай. У нас вот это , - показывает она на особенно темную на фоне сереброчешуйчатой Максимки купину, - рябина. А там калина. Прислушайтесь, какой аромат. Доцветают. Нет, разве можно от этого уехать? Конечно, эта тварь, комары и мошка, мешает. И двуногие есть - почище. Но ведь я здесь столько всего пережила. Вот с ним, - кивает она на Ивана Алексеевича, который сходил за тяпкой и, накинув штормовку, стал подшевеливать картошку внизу. Босой ногой ступаю и кажется, что остановись корни пуцу в эту землю. Дети выросли. Внуков, не поверите, люблю за то, что здесь растут, еще больше.

У Ивана Алексеевича, а значит и у семьи, судьба сложилась. Бурильщик Иван Алексеевич Жданов старожил Ваховска, ветеран Ваховской экспедиции, участник открытия всех - Ваховского региона - месторождений нефти и газа не обойден наградами, славой и вниманием.

- "Стрижи" - речь о нефтяниках Томской области недавно праздновали юбилей.

Иван привычно, чуть кривясь, играя беселыми бровями, как бы неохотно (но чувствую, не без приятности) сообщает:

- Телевизор вот подарили. В президиум приглашали. То да се говорили. Вон фотография. При параде.

На стене: Иван Алексеевич. Взгляд в будущее. Галстук. Шесть правительственных наград.

- В дедовском роду, - говорит он, - все под два метра были. Я один середненький. А дед был. У! Охотник, рыбак. 90 лет прожил. Еще в первую мировую воевал. В 70 лет босой по лесу ходил. Сейчас вот: Иванов! Иванов! Школа. А мой дед просто, без всякой школы и учеников ходил, и пережил многих. Не надо выкобениваться.

Следом за Иваном Алексеевичем перебираю снимки.

- Во-от, вот он - Николай Спиридонович, - Иван, внучек его, Николая Спиридоновича Жданова, отца четверых сыновей и дочери, показывает мне фотокарточку, добросовестно сделанную в свое время профессионалом на хорошей фотобумаге (полароидные снимки сохраняются ли столько же?). - Помню! Как же деда забыть. Все демьянские. Да! Там сейчас Салмановское - Правдинское. В честь "Правды" в общем. Родичи наши, может, и ссыльными были, не знаю. Все из Петуховки. Сельсовет Демьянский. А село по речке - Петуховка текла. В Малую Демьянку она, та - в Демьянку, а Демьянка уж - в Иртыш. Как жизнь: ручейком, а потом глубоким омутом. И по матери родня местная, Демьянская. Дед Василий - по матери. В колхоз не пошел - раскулачили. Самого - в трудовую армию. Дом описали. Да! Забрали - и с концом. Сгинул. Бабушек и не помню, заболели от такой жизни и померли.

Отец был самый младший. Ото всех братьев отличался: они русые, он - чернявый. Сгиб. Один дядька, что в Мурманске воевал, в береговой тяжелой артиллерии, жив пока.

Отец что же? Призвали его в 38-ом и не видели больше. А мать. О! Дед Василий строгий был Жестокий. Да и

времена-то тогда, и нравы были. На меня вот обижаются иногда. тоже, мол, в деда. Но ведь нельзя же совсем распускаться. Конечно, раз на раз не приходится. Да ведь в чужую душу не влезешь. Выгнал, короче, дед Василий свою дочь, мать мою, Лукерью Васильевну Узину. Не обвенчались раз - неси свой крест как Господь сподобит.

Я держу фотокарточку, молчу и думаю, сколько раз мы с Ваней Ждановым встречались. Бывало, в нерабочей обстановке, но все разговоры только про работу, про буровицкие технологические тонкости. О кино, книгах, фото. Он же фотографировал изредка. Да и кто в молодости, если уж стихов не писал, то не пробовал фотографировать? Хочешь разорить родителей - проси фотоаппарат, - ходовая была присказка. А взрослея, отпадали и от того, и от другого.

Кто же ты, Ваня, если коснуться тебя с этой стороны? Поэт? Фотохудожник? Или буровик до мозга костей? Строгий, как дед Василий, наставник, моралист, дед? Или все же нераскрывшийся лирик, как на этой фотографии с гитарой, так похожий улыбкой, обаянием на Сергея Есенина? Русское лицо и их по Руси тьма и тьма. И несут они свет и свет.

- Помню выпускника ГПТУ по фамилии Шевченко. Этаким с сизоватым отливом, саженец кукурузы. Белые ночи нравятся, а заморозки по утрам - нет.

- Приехала мамаша. Вызвал его с буровой. В моем кабинете встреча: В чем дело?

- Парень извиняется:

- Я ж не хотел, мама. Сейчас я в вахте бурильщика Жданова. Я тебе писал впечатления. Первые. И из другой вахты. А сейчас бурильщик Иван Алексеевич, справедливый и строгий.

Мамаша привезла необходимые справки, но сын доработал до окончания практики в вахте бурильщика Жданова.

- Ну не ожидал. Когда же ты на гитаре-то намастрякался?

Кидает чуб распадом Ваня Жданов, совсем помолодому. Щурит жесткие, с кошачьей крапинкой серые глаза в белесых ресницах. Чуть пыхтит: нравится, чувствую, ему рыться в архиве, искать дедову фотокарточку.

- Ей-бо. Была. Помню, Люда. А не в зеленом ли альбоме? Точно, ну. Вот здесь - на Сталина похож. Усы не усы, но брови точно.

Если на одном месте жить, куда он денется, родовой корень. Тут будет, возле дома. - Иван Алексеевич снял штормовку, отставил тяпку в сторону. - Что Демьянское, что Ваховск - на одной широте, жить можно. Все растет, все цветет. Не скажи бы нам в школе, что Сибирь, и не знали б. Знаем одно - родина! Родина наша, детей наших, внуков. И может, доживем до правнуков.

СЕМЬЯ "МЕТАЛЛИСТОВ"

В одном из первых, увиденных мной кинофильмов действовал киногерой "металлист" с одного из капиталистических заводов.

И вот этот "металлист", почти как "авроровец", варяжек, у меня всю жизнь ассоциируется с таким осадистым, круглолицым, симпатичным, русским лицом.

И когда я увидел впервые Владимира Алексеевича Налобина эти мои представления явились: вот он - революционный матрос!

Зоя Афанасьевна, темноглазая блондинка, с изящно-капризным рисунком губ, недавняя выпускница машиностроительного техникума, в 66-м году, на станции Егоршино, на вечеринке у подруги встретила и покорила сердце отпускника - северянина, недавнего подводника, Владимира Алексеевича Налобина. И в том же 1966-м году стала северянкой.

Меня, при мне и после - отдел главного механика экспедиции держался на ней - Зое Афанасьевне.

Менялись главные механики, главные энергетики. Зоя Афанасьевна Налобина была в ОГМе всегда.

Естественно, что она знала, как никто, буровое оборудование и связанное с ним непростое бумажное хозяйство.

Муж ее, Владимир Алексеевич, отработав после ремеслухи на Тюменском судостроительном заводе, потом испытал железную работу - помбуром и вышкомонтажником! - в Шухтунгорте и Ваховском, а также - в турбинном цехе! По механической части, говорить с женой мог на равных!

- Скушно это или наоборот, - спрашиваю я чуть-чуть изменившуюся Зою Афанасьевну - когда оба - металлисты?

- Да уж! - смеется она чуть хриловато и гортанно, потянувшись к окну и замерев в раздумье: какой срезать

огурец для салата, - дома неужель не о чем о другом говорить? Мужу с женой - то? А?

- Да уж... - подумал я, глянув искоса на ее тень, - тут только либо про "скань" или "финифить", - ежеле о металле, можно говорить, - а лучше всего и помолчать, полжрбоваться.

Конечно, сейчас в жизни неопределенность появилась. Но ведь и раньше по-всякому жили. Вот военное время взять.

Владимир Алексеевич ласкает свою круглую голову.

- Старшая сестра моя, имя-то, Феоктиста Алексеевна. Феоктиста.

Сегодня назови так - засмеют. А за что? А Феоктиста. На пароходе работала. Ну. Пароход-колесник, конечно. Матросом, верно. И вот: чтоб меньше матери моей ртов кормить, взяла она, Феоктиста, меня с собой на навигацию! Мне лет восемь-девять было. Соображал. Да вроде юнги был: подай-принеси. И ведь - что. Хлопот от меня, а не помощи. Тонул. Да. Но главное, - кормили. Чем уж - неважно. Кормили. Да. А потом ледостав поймал - зазимовали. Да - зазимовали. Землянок нарыли - выжили. Пароход и баржу выморозили, сохранили. Все бы ничего - в школе класс пришлось пропустить. Вот что - обидно. А так.

Владимир Алексеевич ерошит свою, будто стружкой ЛБТ присыпанную круглую голову и так хочется увидеть на его руке эту - из катаевского "Паруса" - наколку на руке, но нету ее. А как бы хотелось увидеть голубоватый якорь и вокруг его витеевато: "Не забуду Вах."

- Десятилетку - то уж после службы заканчивал, в Тюмени. Даже в Уральский политех поступал. Срезался - на север подался. Да.

Интересно. Мать, когда пошла на пенсию, что ей дали. Восемь рублей. Потом накидывать стали - на инфляцию. 14, 20. Но ведь тогда и хлеб-то стоил 20 копеек. Картошка - 12 копеек. Водка - два с копейками. Ну. А вот сейчас сокращенье идет: кого сократят? Пенсионеров. И что. Наша

пенсия сейчас, если по их-то ценам, чуть больше восьми материнских рублей-то и будет.

Но ничего. В баньку не желаете? Банный день! Но-овая баня. Не-е ... своей не имею. Мал огородик: видите сами, тепличка, то да се. Можно сказать: не огородик, а полисадник.

Металлисты - горожане по натуре.

И все же: с легким паром и с хорошим урожаем: на окне и в полисаднике.

МЫ ВСЕ - ОДНОВАХЧАНЕ

Кареглазая темноволосая женщина с мягкими плавными очертаниями лица и фигуры, с сочувственным выражением - извечной русской жалью - беседует со мной.

Мы говорим о ее первом муже, Иване Анисимовиче Чешуине, трактористе экспедиции, трагически погибшем пятнадцать лет назад, и о ней, оставшейся тогда двадцатисемилетней вдовой с двумя сыновьями, о Валентине Ивановне.

Конечно, несчастный случай - всегда случай. И всегда трагедия. Рок, судьба или что. А для близких - горе однозначно.

В те времена, при расследовании случаев и назначении пенсий существовала система определения виновности пострадавшего и государства (через государственное предприятие). И ведь запросто определялись эти проценты вины.

Сколько мне пришлось видеть жертв этих несчастных случаев. Сам погибай - технику спасай. В фильмах, в литературе. Воспитывалась в нас на подковковом уровне. Поэтому и работали на неисправной или непригодной технике, в адских условиях. На энтузиазме. Я полагал, что и морально, и формально, мы, представители государства, должны всю вину за несчастные случаи - на 100% - брать на себя, и, по возможности, это делал. Пострадавший, даже если в чем-то и сплеховал, изначально безгрешен: ибо самим фактом он искупает и другие, прежние, свои грехи.

Валентина Ивановна, в девичестве Старовойтова, родилась на севере Омской области. Определенно известно, что и дед, и бабка по матери - выходцы из Могилева, переселившиеся в Сибирь во время столыпинской реформы, что они жили хорошо, много трудились и исправно платили налоги. Вольный воздух, чистая и свежая пища, труд от зари до зари, т.е. здоровый образ жизни способствовали долголетию. Бабка

Ефросинья Трофимовна прожила 90 лет, воспитав пятерых детей. Дед может быть прожил бы не менее, но погиб на фронте в расцвете сил.

У будущего мужа - Ивана - отец погиб, когда сыну только месяц исполнился.

А потом и сам Иван малых деток оставил.

- Познакомились-то как?

- А он в гости приехал. В Усть-Таре пожил, Ивану от Морозова из Ваховска вызов. Вот и приехали сюда. Точно помню: 19 августа 67-го года. 27 лет тому назад. Остановились у Петра Козлова. А потом, из-за комнаты, я техничкой в школу устроилась. Смолин тогда директорствовал. Вы ж застали его? В комнате при школе жили. А позже от экспедиции квартиру уже Иван получил.

Сыновья уже взрослые. Николай в экспедиции, Владик в коммерческом предприятии. В отца. На технике работают.

Как Иван погиб, два года вдовствовала. Да ведь мальчишкам отец нужен. Потому когда посватался хороший человек, - да вы его знаете, Александр Щелконогов - вторично замуж вышла. Александр Ивана хорошо знал и детей его принял по-отцовски. Потом дочь Надежда родилась. Да, символическое имя. Живем с дочерью Надеждой. и с надеждой вообще жить хорошо, счастливо и долго. Сама, видите, в гостинице тружусь. До пенсии бы дотянуть: с работой в экспедиции проблема. Но надеюсь Да. С Надеждой. Как и все одноВахчане.

РОМА - ВОДОВОЗ

Рамазиль Зуфарович Ганиев. Кто сейчас узнает в нем Рому -водовоза двадцатилетней давности. Заматерел, Рома-водовоз, семейством крепким обзавелся, подвижностью и недвижностью. Да и должность приличная - заместитель главного инженера по технике безопасности.

И все же кое-что от Ромы-водовоза осталость у него: легкость общения, непредвзятость /водички-то всем надо/ и истинно башкирский, с подтруниванием юмор.

Познакомился я с Ромой в марте 75-го в вахском "Белом" доме: он привез из Охтеурья на именины к хозяину дома почетного гостя - старосту, так звали тогда председателя сельсовета - задолго до официального признания этого слова по духу и форме, Виктора Васильевича Бурундукова, которого, кстати, я там увидел впервые. Рома тогда был совсем юным и стеснительным, как девушка.

В самом деле. Родился он 16 августа 52-го года: значит, двадцать третий год шел. Вот что значит воспитание в многодетной семье. Тем более в семье, где, по национальному обычаю, воспитывается уважение к старшим.

Как я уже сказал, родился будущий Рома-водовоз за полгода до кончины отца всех народов в 1952 г. в деревне Салихово Аургазинского района Башкирии средним сыном. Трое братьев старше, две сестренки и брат - младше. Отец ровестник боевого 18-го, воевал в Великую Отечественную: стал инвалидом, умер в 91-м. Мать с 24-го жива-здоровая, они с отцом всю жизнь прожили в колхозе "Уршак".

Во время ли голода в Поволжье, по какой ли другой причине, рвались, словно талевый канат из-за жучков и иголок рвались родственные связи из-за смерти ли родителей, из-за отказа ли, но рвались. И снова, понятное для разведчиков сравнение с талевым канатом: переехал трактор через новенький, в заводской смазке канат, смял сердечник, расплющил трень. Вроде и цел канат, а рвется

при нагрузке. Вот и во времена ленинского призыва великого перелома, в стахановские времена не так ли рвались родственные связи, гибли родовые корни, прерывалось течение времен. Сын за отца не отвечает, отец - за сына. Нет отцов и сыновей. Есть только винтики машины, строящей счастливое будущее. Рушатся семейные традиции, национальные тоже. Пропадает понятие честь имею. Теряется смысл честного слова. Имеет вес бумажка: анкета, справка, характеристика, бегунок, представление и, как следствие, приказ.

Так или иначе, у потомков Романа-водовоза на бабке Камал Сабагутдиновне, если они будут строить родовое древо, оборвется ветвь, нисходящая в одно из чувств, где обретает сердце пищу.

- Так оно обидно будет, если внуки забудут, как звали моего отца. Только и будут знать Рома - водовоз. Но правильно. Правильно. К матери приезжаешь - она всех помнит. Родственников, я имею в виду. Эт, говорит, твой такой-то брат, дядя, это - сестра, тетя, племянница. Запутаться. А ведь правда: надо знать. Кровь-то близкая. Даже похожи бывает так: удивляешься.

Ну что еще сказать про Рому-водовоза. В почетной должности начальника транспортного цеха увела его молодая специалистка педагог с холостячкой тропы.

Ничего про это не буду говорить. Просто напомним некоторые его биографические данные. Школу закончил в 69-м году. Кстати, в Турумбетовской школе учились на башкирском языке. И, насколько я знаю, в каждом райцентре Башкирии такие школы-десятилетки были. Но в них, наряду с иностранным - по нынешним понятиям дальнезарубежным языком - изучался и русский. И надо признать, что некоторые выпускники этих школ, я сужу по своим однокашникам, знали русский язык почище иных исконно русских. Правда, при поступлении в Уфимский нефтяной институт в мое время для башкир проходной бал был на два пункта ниже. Видимо, из-за того, что писали сочинения по-русски.

После школы - Уфимский автодорожный техникум. Потом служба в вооруженных силах. После армии брат его, работавший у нас старшим механиком, Рафик Зуфарович Ганиев, привез его в Ваховск и с 10.10.74 г. в Ваховске появился Рома-водовоз.

Летом плавучая центробежка по отремонтированным линиям подавала вахскую ржавую воду. Потом - скважинную, но тоже железную воду. А зимой, месяцев семь, точно водовозка: утром, вечером - по расписанию.

Вода по значимости человеку - между воздухом и пищей.

Рома-Рома. Если что, плюнь на все и дай людям глоток чистой воды. В жару, в духоту, атмосферную или моральную - это будет самым лучшим благом для человека. Будь, Рома, до конца Ромой-водовозом.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ БУДУЩЕГО ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ВЛАДИМИРА НАГАЕВА

Краткая биографическая справка. Родился 2 марта 1943 года в селе Нарым Томской области. А нарымские дома из лиственницы джугашвилевских еще времен стояли. Также как и в Каранаке, в Городище. Многие, правда, до хрущевского лишь укрупнения колхозов укрупненной коллективизации. Причем, без головокружения от успехов. У создателя культа личности, похоже, в отличие от разрушителя культа личности, кроме критики, было хоть чуть-чуть и чувство самокритики.

Отец, Арсентий Иннокентьевич Нагаев, нарымчанин. Мать Таисия Андронитовна Типсина, из Парабели. Фамилия распространенная. Род Типсиных был многочисленным. Бабки: по отцу - Анна Арсентьевна, по матери - бабка Марья да и все. У матери семеро их было, братьев и сестер, у отца - трое.

В Городищах закончил начальную школу. с 12 лет начал трудиться. Зимой телятницам помогал. Корму телятам подать, почистить - делов много. А летом сенокос: на косилке, на граблях. Были бы руки, а работы в селе всегда невпроворот. Да без работы и не проживешь.

Потом - леспромхоз, армия, шахта, экспедиция.

- Не поверите, секретарь райкома партии пас меня, чтобы я из колхоза не рванул. Вот тебе и демократия. Председатель колхоза предателем обозвал. Конечно, ежу понятно - одни старики оставались в деревне. Я, можно сказать, последним из молодых когти рвал. Но и меня понять надо. В деревне что за жизнь. Не пускают, паспорт не дают. Ни при отце народов, ни при Хрущеве. Я в соседний колхоз, на квартиру к тетке. Председатель ихний - лет на триста бы ему здоровья - хороший мужик, в положение вошел на пилораме, говорит, месячишко поработай, а там - дам я тебе, мол, справку и катись на все четыре стороны. Работаю, значит, кручусь на совесть. Завтра уходить бы, а в клубе вечером на баяне пиликаю.

И тут секретарь. Встать и удрать? Заметил. Сижу. А он председателя пытается: чего, мол, Нагаев у тебя ошивается. Председатель ему: а что? На пилораме у меня работает. Ударно. Молоток, думаю, мужик, а все равно мандражно: вдруг справку не даст. Прихожу назавтра, а он, опохмелишь - с отвальнoй-то. Я к тетке бегом: тащу. А он мне и справку тут же. С такого-то по такое работал на пилораме. Число, печать, подпись. Все как было. С этой справкой бегом в леспромхоз к директору. А тот мужик был. Лесотехническую академию кончал. Солидный мужик, властный. Директор, одним словом. Раскусил сразу.

- Из колхоза? Это не тебя секретарь ищет?

- Я как язык проглотил, молчу, чувствую, что все у меня внутри опустилось.

- Чего у тебя там? Паспорта ведь нету?

Я ему справку подал.

- Где работать хотел бы?

- Я обмер. Неужто берет? Берет.

- Ну, иди в кадры, оформляйся, и с 4-х чтоб в бригаде был.

И было это в 61-м году. Четыре года отпахал в леспромхозе. Потом с братом в город подались. В городсад Новокузнецк. Как в песне: на шахту, в забой. Поработал три месяца - понял, не по мне, давит земля, к простору привык, к вольному ветерку. А тут друг Гена Головкин, брат Юрия Гермагеньча, а мы с ним земляки. Год на лесосплаве работали. Вот Гена и позвал меня сюда, на север, в Ваховскую НРЭ.

И подался я. Без вызова, без подъемных. Денег - восемь рублей, буханка хлеба, килограмм козьей колбасы.

Без билета. Зайцем плыву. В Александрово, на стоянке, в пристанном магазинчике форменную речфлотовскую фуражку увидел. Денег как раз хватает. Сам не знаю, как получилось - купил ее.

Хожу в ней, ко мне пассажиры с вопросами: когда там будем? А там-то когда? Отвечаю четко, только под козырек не беру, память-то молодая, расписание назубок выучил.

Познакомился и с обслугой, объяснил что и как. Тебя звали, говорят: как в Вартовске будем - вынесем твой чемодан, за контейнер поставим, а ты выходи на прогулку будто.

Старпом злой. Про него и предупреждали.

Прогуляться иду, поглядеть, что за Вартовск.

- Не опаздывайте: через сорок пять минут отход.

Так и сошел.

И вот ВТТ "Антонин Зырянов". Смотрю, садятся без билетов. Пошел и я. Я уж знал, что к чему, у обслуги спрашиваю, третий класс где? Внизу, показывают. Спускаюсь, там людно, галдеж. Подсел в свободный уголок, сижу. А рядом парни пьют, закусывают. Вдруг меня спрашивают, налить? Примешь?

Я им честно признался: к Генке Головкину еду, денег нету, последний кусочек иссосал, хоть за лапу принимайся.

Они зашумели: о, мол, Генка Головкин, да кто ж его не знает? Знаем! Его друг - наш друг. Садись ближе.

И накормили, и напоили, и билет купили. Так и приехал я в Ваховск. А было это вечером 15 сентября 1966 года. Когда вступил я на вахский берег. Иду с причала, а сумеречно уже, впереди будто асфальт блестит. Ступил на этот асфальт и провалился в няшу по пояс. Хоть плыви. Зато сейчас - бетон кругом и песочек золотой. Да и мы не те. правда.

Со своей Надеждой познакомился я в 73-м году. Приехала она после техникума к дядьке своему Вдовину Михал Иванычу. Сеймики тогда на подбазе стояли. А у дядьки прозвище было интересное. Когда согласны или что, одни говорят лады, другие добро или как. А он - по уму. Вот и прозвали Михал Иваныча - ПО УМУ. Я его и так знал, а как Надежда приехала - повадился как медведь на ласеку.

Замом был тогда Дудник Николай Леонтьич. Резкий мужик, но прозористый. Ловит он меня как-то и говорит:

- Хватит, Ромео, вертолеты гонять зря. Бери борт, грузись и вези свою принцессу в Ваховск.

Ага. Было это уже в 74-м.

Взял я вертолет, и улетел в Ларьяк за Надеждой. А Надежда в сейсморпартии в Ларьяке у Чмутова экономистом работала. Дал нам Чмутов самолет АН-2. Загрузили нас, и полетели мы в свадебное путешествие из Ларьяка в Ваховск.

Запомнилось оно нам покрепче, чем другим вокруг Европы.

Летим низко по-над Вахом. Вдруг мотор: чих-пых-тых. Сдох.

Успокаиваю Надежду: пилоты шутят, мол, чтобы сердцеобмирение прочувствовать. И точно, вскоре завелся мотор.

Дяди шутят.

А когда еще раз и еще. Как по горкам летим, по трамплинчикам. Как бы, думаю, свадебное путешествие не превратилось в выпадание с небес на землю.

Особенно в последний раз надолго заглох двигатель, совсем низко планируем. Тишина, аж в ушах ломит.

А бортмеханик успокаивает: "Не бойсь, ребята. Счас заведем."

И точно: за блистером клок пламени, хлопья сажи, и загудело. Какой там Мендельсон. Слаще этого рева мотора будто и не было музыки в мире. Самолет, а с ним и сердце жаворонком, - вверх, вверх, к небу, к солнышку. - Вот, Николаич, такое у нас было свадебное путешествие из Ларьяка в Ваховск. Длинным показалось.

ЗЛЫЕ МОЩИ

В экспедиции было поверие на прозвища. Большинство, впрочем, были элементарными: по фамилии или профессии. Но были прозвища и загадочные. Как, например, вот это - злые мощи.

Злые мощи. Владельца такого прозвища я представлял высоким, худым, с узким сплюснутым лицом, маленькими глазками-буравчиками неопределенного цвета, с противным верезгливым голосом, злопамятным, поперечным характером.

А им оказался симпатичный мне человек - слесарь буровой бригады, в которой я частенько бывал и наездами, и по несколько суток. Был он чуть постарше меня, а комплекцией - ну разве что чуть подобраннее, поджарее. Звали его Николай Алексеевич Перетягин.

Самого его спросить о происхождении прозвища не позволял такт, другие пожимали плечами, усмехались:

- Да он, поди, с прозвищем и родился.

Я решил познакомиться с ним поближе: может общаясь пойму? Ведь прозвище не репей, зря не прицепится.

Приглядывался я к нему исподволь. Среднего роста, широкогрудый, малость сутуловат, ходит слегка вразвалочку, но без вихлявости. Темнорус, чубчик поредел, осекся, лицо загорелое, в сеточке морщинок, на щеках - мужественные складки. Брови прямые, слегка кустистые. Под ними, в набрякших веках, фиалковые глаза - то тусклые, то искрящиеся, лукавые. Усы бы ему полномерные, прикрывающие верхнюю губу и уголки рта, - вылитый бы кронштадтец из восемнадцатого года. А губы женственно-полноватые, пунцовые да печально-опущенные уголки их и мягкого рисунка подбородок не позволяют провести это сравнение. И голос у него хрипловатый, с шелелявинкой, негромок, хотя бывает добродушнозвительным. Рассказывает он складно, живописно, в речи его нет-нет да сверкнет какое-нибудь малоупотребительное или забытое слово.

Повстречался я с ним в то время, когда он, блудным сыном после трехлетнего мыканья по белу свету, вернулся в экспедицию и попросился в свою бригаду. Я пошел ему навстречу. Принял. Столкнувшись с ним вскоре на буровой, поинтересовался:

- Ну, как дела? Будто и не уезжали?

Он, не торопясь, снял верхонку, поздоровался, закурил и только после этого ответил и пригласил.

- Чайку не желаете? Со смородиной. С ветками. И чага есть.

Самодельным кипятивником из бритвенных лезвий, буквально в считанные секунды вскипятил в трехлитровой банке. всклокотал воду, сыпанул в крутой кипяток горсть цейлонского чая и несколько смородиновых веточек, запечатал фольгой.

- Может чаги? - показал на другую банку с дегтярно-черной жидкостью. - Большинство ведь чагу кипятят, а ее настаивать лучше. И чай вот тоже, неразбавленным его надо пить. Как в Средней Азии. И свежим. Тогда у него и аромат, и вкус, и целебность.

Мне приходилось бывать в тех краях и о церемонии чаепития я кое-что читал, и о способах заварки, сортах

По-старинному, перевернув кружку вверх дном, он отодвинул ее от себя и, подавшись назад, оперся спиной о стенку балка.

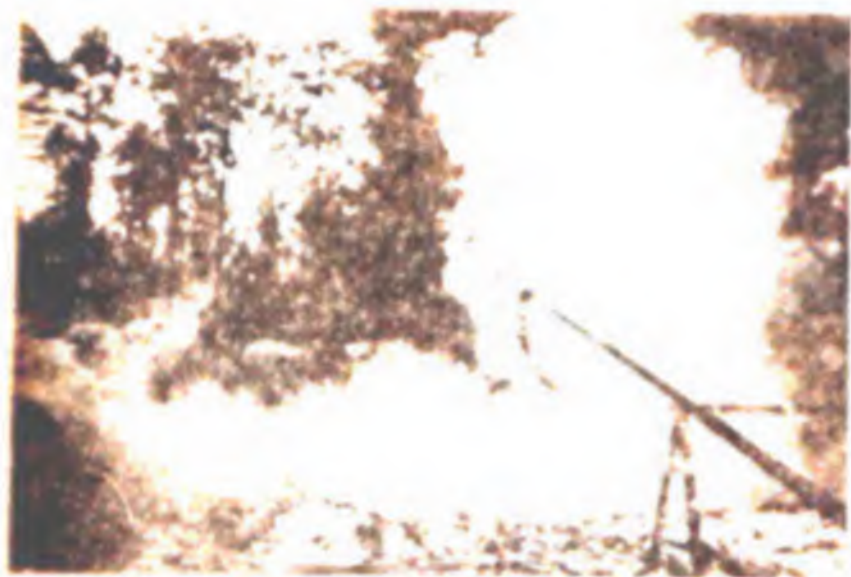
Лицо у него нежно порозовело, фиалковые глаза искристо посветлели.

Он глубоко вздохнул и на выдохе произнес давно слышанное мною и такое подходящее к нашему состоянию слово: бла агостно.

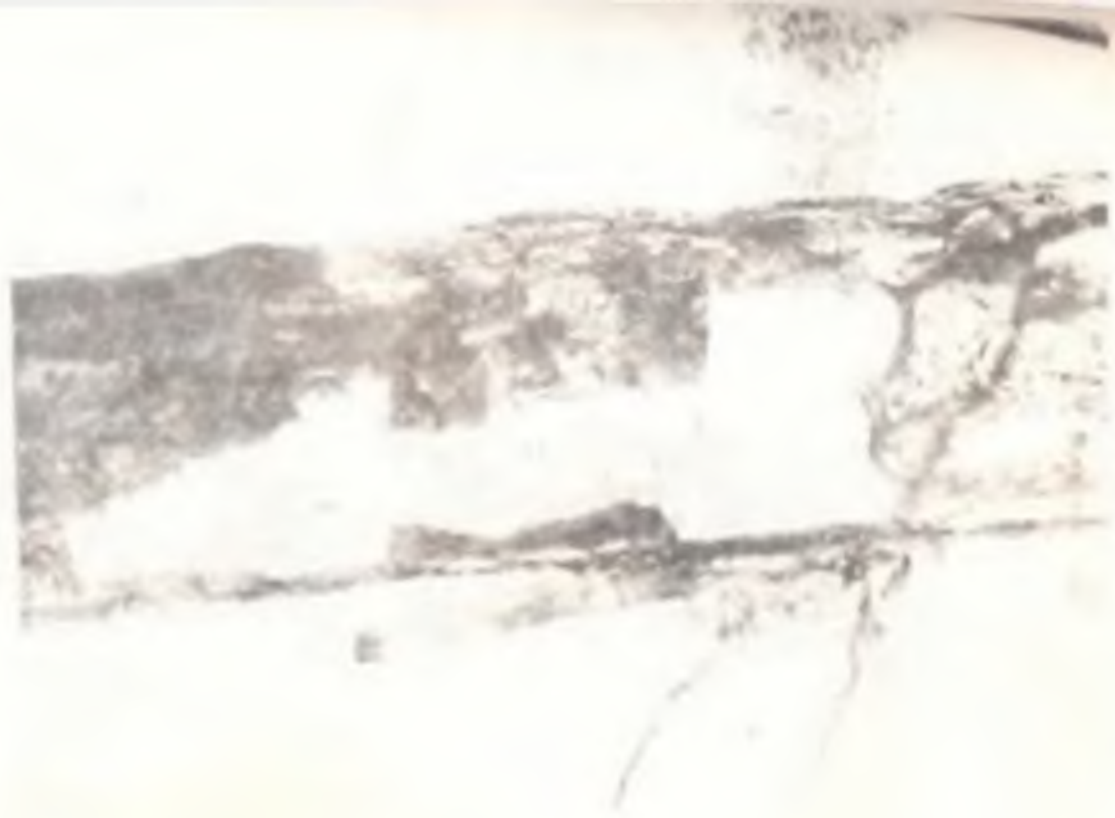
С тех пор я с ним только и чаевничал, когда заставлял на буровой. И прозвищем его был несказанно удивлен.

Конечно, идеальным человеком он не был: и похвастать мог, и сквернословил постоянно, и, видимо, бражничал хорошо. Не раз я ему пенял:

- Что-то у вас, нынче глазки кроличьи?

- Да с Лехой, друг его и сосед по комнате, тоже холостяк, классный сварщик и выпивоха, пришлось повеселиться. Не читали Федосеева про Улукиткана. Проводник у него был, вроде как у Арсеньева Дерсу Узала? Вот как-то этот Улукиткан, звенк он, встретился со старыми друзьями пастухами. И под это дело выпросил у Федосеева винки - спирту то есть. Сидят они у костра. Федосеев в палатке, материалы съемки обрабатывает, дневник заполняет. Вышел ночью, смотрит - дерутся друзья-старики смертным боем, за волосы, за бороды друг друга таскают, под дых мутузят. Разнял он их, спать послал. А утром раненько видит: они как ни в чем не бывало чай у костра пьют. Все равно решил он их постыдить. Морды исцарапаны, в синяках, одежда изодрана, тело в лиловых пятнах. Зачем, мол, дрались? А они вопят: что ты, мол, что ты! Давно так хорошо не гуляли. Так и мы с Лехой хорошо погуляли. Культурно. Он отвернул пунцовую губу и показал кровоподтек.

- Вот ведь друг фикса однако сдвинул. Ничего. Я ему рожу рябужу тоже малость разглядел. Еще разок культурно пообщаемся - гладкая станет совсем, как Клавкина задница. А Федосеева почитайте, интересно пишет. Все из жизни - документалистика - а захватывает почище всяких детективов и фантастики.

Я пообещал заглянуть в библиотеку, поинтересоваться Федосеевым, да забыл. Вернее, закрутился: зима заканчивалась, зимники плыли, а надо было буровые станки и материалы растолкать по летним точкам. Пока не вскрылись ручьи и гнилые болота, круглые сутки работали тягачи, бортовые, трубовозы, бензовозы, трактора: летом авиацией много не навозишься. Последнюю колонну с ГСМ я провел уже в первых числах мая, оставив ее на подбазе, сам уехал на ГАЗ-66 на буровую. По дороге на буровую машина провалилась в гнилую промоину, двигатель залило. Я немного вымок, но было уже тепло, и я благополучно дошел до буровой. Мастер на тракторе уехал вытаскивать машину, а я занялся скважиной.

Разобравшись в ситуации, дал необходимые ЦУ и пошел к Николаю Алексеевичу чаевничать. Это была его буровая.

Первым делом он дал мне сухие валенки. Сразу надо было переодеваться в сухое. Весенняя острота гнилая. Чахотку схлоптать можно запросто. Это осенью ничего, когда организм с лета. А сейчас ослаблен, витаминоз.

Пока я переодевался, он посетовал:

- Эх, вам катанки-то ручной бы работы. живо бы согрелись, ведь они, как печка. сразу греют. Или чесанки. Да. Легонькие, а уж теплые. Благота.

- Валенки, чесанки, катанки, пимы - какая разница? А то еще - валяные сапоги. Все едино из шерсти. - сказал я вередливо.

- Сидишь в баньке. Процессу влажность нужна. пар. И температура. Вот валенки слепишь и струной шерсть бьешь, то есть, уплотняешь. Так что. Николаич, будьте спокойны, не одну пару скатал.

Я выразил искреннее удивление:

- Все-то ты умеешь: варить. лудить и слесарничать. И по буровым установкам, и по котлам, и вот еще и по валенкам. Когда успел постигнуть?

- Я хоть и малость постарше тебя а прошел огонь, воду и медные трубы. Приспичит - все в жизни постигнешь.

На людях он величал меня всегда на вы, а когда были одни - незаметно на ты переходил.

- Тебе сорок ведь справляли. А мне сорок пять стукнет скоро. Это сейчас, может, не так заметно. А прежде большая разница была. Тогдашних пять десяти нынешних годков стоят. Ты в школе еще учился, а я уже всю колхозную академию кончил. Не только пахать, косить, дрова рубить, лошадь снаряжать, быкам хвосты крутить, девок щупать, но и скорняжить и - вот это самое - пимокатить умел. А как же, сельский житель себя полностью, как Робинзон, обихаживать должен! Я, ежели че, и сейчас и за ветеринара, и за доярку, к примеру, справлюсь. Без булды, честно. В город подался. Приняли слесарем. А там, как курсы какие, меня туда,

любезнательный был в молодости. Николай Алексеевич размечтался, кружку позабыл: над ней парок едва заметный, прерывистый. Папиросу закурил, поначалу затягивался, потом, погасшую, причмокивая, мусолил. но и про нее забыл, вспоминая жизнь.

- Не в обиду будь сказано, сейчас ведь техучебы нету на производстве. И у нас в экспедиции. А формальность одна. Но тоже проку мало: пиво ездят попить. А тогда хоть техминимум взять, строго с этим было. Порядок был. Уж тут не отнять. Поэтому и прорыв везде был. Не везде, конечно, это так: загнул малость. Ладно. Все равно, ты еще только пифагоровы штаны кроил, а я сначала в Германии, а потом в Венгрии хэбэ протирал в учебке да в танке. Можно сказать, когда ты только собирался в свои университеты поступать, я уже свои закончил.

Прервал наше чаепитие молодой специалист, работавший стажером бурильщика, невысокого росточка, с вертлявыми темными глазами и усами скобочкой, хлопец з Верховины. Другие стараются на глаза меньше попадать, этот наоборот - так и норовит с начальством словечком перемолвится, замечают это и рабочие. Вот и Николай Алексеевич, недовольный тем, что ему самому не дали выговориться, одергивает его:

- Отметился, Володя, и будя - гуляй на вахту. Все равно до лета вакансий не будет. Учись за "палку" держаться.

Молодой спец пытается перевести все в шутку:

- Не гостеприимный ты хозяин, Алексеич, однако. Даже для виду чайку не предложил.

В слесарном балке, а живут они со старшим дизелистом, чисто, даже с потугой на изысканность. На окошке занавесочка, стол веселой клееночкой застлан, из консервных банок абажурчики для настенных бра - настоящие произведения искусства. Пепельницы, подстаканчики, все из разнокалиберных банок. Не только уменье, терпенья, сколько нужно.

Николай Алексеевич принес кусок льда, веточки смородины.

- Пока тает, схожу на буровую. Грундбуксы подтянуть надо. А вы посидите, почитайте, вот вам Федосеев, припас я. Сами-то, поди, не догадались. Так я и подумал.

Федосеев Григорий Анисимович, писатель, инженер-геодезист.

У меня сразу проявился интерес к взятой из вежливости книжке: к геодезистам я испытываю уважение с давних пор. На каникулах дважды бывал в небольших экспедициях по южному Уралу, знаю их не понаслышке.

Когда Николай Алексеевич вернулся, меня уже невозможно было оторвать от книги: я был поглащен ею. Вроде бы чего интересного. Собираются люди в экспедицию, идут по непролазным маршрутам, путевые впечатления, трения между участниками. Что особенного? А не оторвешься. Что же привлекает? Правда жизни, видимо, описанная скупым, точным языком. Впрочем, нет, описания природы, лирические отступления. Объемно, в ярких красках, но и с нежнейшими оттенками.

С сожалением прерывался несколько раз по делу. Вызывали на буровую.

Николай Алексеевич пытался со мной разговаривать, но я его слышал фрагментами, отвечая невпопад, переспрашивал.

- Почти во всех местах я бывал, - бубнил он как бы в отдалении. - Изменились. И в Саянах. И в Джугдыре. Восточные Саяны. Становой хребет. Я же и на прииски вербовался, и на БАМ. В мостоотряде слесарем-монтажником и сварщиком, в леспромхозе работал. Точно по вербовке. Вербовка это раньше. Сейчас-то везде, как и в экспедиции у нас, по договору. А это та ж вербовка.

Все мне было близко: и ощущения героев, и мысли, переживания. И ситуации во многом схожи. И у природы много общего: ширь, непроходимость. Но самое главное - ощущение свободы и первооткрывательства. Конечно, люди всегда и везде уже когда-то были или так и живут испокон веков.

- Ничто так не располагает человека к раздумью, как первобытная природа. Когда ты надолго соединишься с ней, тебе хочется быть лучшим, очиститься от житейской накипи: лжи, лицемерия, жадности, - пишет Федосеев. И я полностью с ним согласен. Не зря все же северяне выделяются из общей массы людей. В этом я мог не раз убедиться за тридцать лет работы в Сибири.

Вот спрашивает Федосеев друга Улукиткана - Осикту:

- Что тебе подарить? Выбирай.

А тот отказывается.

- Тебе все самому в дороге нужно. А у меня нужды нет, ты не думай, что я бедный, в тайге имей руки, ноги - будешь сыт и одет.

- Подумать только, - удивляется автор, а вместе с ним и я. - А ведь он стар, одежда его давно износилась, пища - мясо да чай, а все богатство - ветхий чум, несколько шкур да ружье. И считает себя счастливецом. Ему ничего больше не надо.

А ведь так можно сказать про каждого второго работника нашей экспедиции. Про того же Николая Алексеевича, друга его Леху. Да и сам-то я давно ли из этой категории ушел? Да и далеко ли? В отпуске уже три года не был, и нисколько не тянет на "большую землю", скажи потом кому - не поверят. Нет, временами, конечно, хочется в большой город, в театр, в ресторан, на каток, в галерею, на выставку... Но так: легким облачком на заднем плане.

На следующий день книгу дочитывал на вертолетной площадке. Площадка, словно плот, севший на пригорок. Десятка три бревен, скрепленных скобами и прикрученных к огромным поперечным хлыстам. Спиной сел к солнышку: хорошо пригревает, благостно. Подошел одетый в рабочее Николай Алексеевич, поинтересовался, как дела и, усмехнувшись, вытащил из-за пазухи книгу. Со словами:

- Вот - продолжение, - подал ее мне.

Обменявшись книгами, мы закурили.

- Весна, - почти шепотом произнес Николай Алексеевич.
- Багульничком потянуло, березовым соком. Благостно-то как.

На губах его отрешенная улыбка, фиалковые глаза мечтательно-бездумны.

- Скажи, знаешь ли ты про свое прозвище? Отчего оно таково? - вдруг вырвалось у меня, - Впрочем, извини. Право, мне неловко. Нечаянно вышло.

- Да ниче, - не сразу отозвался он. - По глупости прозвали. Худой я был молодым, кожа да кости. Но жилистый. На сплаве были, приболел еще: вот и прозвали мощи. Приболеть-то приболел, да не слег: со всеми вместе катал бревна. Меня и подначивали.

- Ого! И мощи туда же.

- Мощи-то - говорю, - мощи, да злые. Куда бы вы без меня, - отбрехивался я. Вот и доотбрехивался: куда не уеду, прозвище впереди меня бежит. По первости обижался, хоть виду не казал, а сейчас чего уж. Да и слово - мощи - хорошее, необидное. А что злой - так злой-то я на работу, на несправедливость, измену да на мошкарку. Да на себя, бывает, зол: ничего ведь путного, и вправду, кроме мощей-то, после себя не оставлю - вот что. Семья сама по себе пошла давно, я - по себе. Вот тут прозвище в точку попало: до баб злой был, грешен.

- Наталья! - вдруг окликнул он проходившую вдалеке коллекторшу. Та остановилась, нехотя отозвалась:

- Ну че вам, дядя Коля?

Она работала всю ночь, лицо ее было заспано и недовольно.

- Че-че, - передразнил ее Николай Алексеевич. - Брюки застегни. Одна ведь спишь, на хрена брюки-то расстегиваешь.

- Да ну вас, дядя Коля, вечно вы, - совсем не обидевшись фыркнула девушка и пошла к буровой.

- Наталья, погоди, - попытался он остановить ее. - Аль во сне у Рустема рукоятку крутила? Сознайся. - крикнул в догонку. Коллекторша сложилась пополам от смеха.

- Ой, уморил, дядя Коля. Было бы там за что крутить,

- Ну, Наталья! - захохотал и Николай Алексеевич. -
Смотри, скажу Рустему.

- Дизелист-кавказец у испытателей работает, может, знаете? Вот Наталья с ним и женихается, - пояснил мне дядя Коля. - Такая любовь. Она на той еще буровой к нему чуть не по морозу босиком за девять кэмэ ходила. Хорошая девка, безотказная, добрая, - похвалил он коллекторшу. - Жаль, что джигитенок с ней балуется.

- А вот и вертолет, кажись, летит, - насторожился он, прислушался, зорко, из-под широкой в осадинах ладони глядя в яркую голубизну майского неба и подтвердил. - Точно летит. И на прощанье сказал: "Книжку, что дал, прочтите. Еще интереснее. Особенно последняя вещь - "Смерть меня подождет".

Не подождала - скосила. Когда приехал брат его, кое-что из наследства Н.А. пропало. Брат пошумел малость.

Был бы жив. Ах, злые мощи. Скуднее стала без тебя земля.

ТЕЩИНО ПОДВОРЬЕ

Прознав, что я собираюсь к осени привезти семью, соседка посоветовала:

- Ты-эт, Миколаич, заране забей очередь к теще Головкиной за молоком. Желающих к ней - мильон.

В первый свободный вечер я пошел договариваться.

Бурильщик Юрий Гермогенович Головкин жил в брусчатом сером доме на два хозяина, построенном лет пятнадцать назад. Приусадебный участок полого спускался к ручью под названием Бардаковка. Подворье его было огорожено штакетником с улицы, а от соседей - пряслами. Пряслами же был огорожен загон вокруг коровника, который зовут стайкой. На коровнике вместо крыши сено, укрытое автопологом.

Пахло забытым коровьим духом: свежим навозом и парным молоком.

- Смотри-ка! Другая жизнь под боком. не только буровые, буровые.

В просторных сенях на длинном столе разнокалиберная посуда: банки, бидоны, бутылки, фляжки, пустые и с молоком.

- Неужели столько клиентов. - подивился я. - Тогда мне не светит.

Тут и теща Головкина впорхнула: подбористая, живая. Я поздоровался.

- Здравствуешь, здравствуешь, - отозвалась она. - Нащет молочка? Слыхала, слыхала. Много не дам и без молока не оставлю. Пока литру выкрою, а посля може добавлю, как малых привезешь.

Так беззаботно, несколько лет за символическую плату имели мы к столу регулярную литру, а то и две натурального, густого, как сливки, молока.

В благодарность за это я раз-другой участвовал в заготовке сена, когда устраивалась помочь, без проволоочки выделял технику, когда было нужно материалы.

А на тещином подворье каждый год в зиму шел под нож бычок двулгодовалый. Мясо сдавалось в потребкооперацию по высоким приемочным ценам, затем часть его вновь приобреталась хозяином, но уже по цене почти в два раза более низкой. Такие сделки были общеизвестны и не считались аморальными.

Так вот они и жили. Юра работал на буровой, в выходные временами пил по нескольку дней и гонял тещу.

- Подкулачница! Задолбала ты меня своей скотиной. Сено заготовить - зять. Привезти - зять. Навоз - зять. Денежки только - теще. А зять выпьет рюмку - всю шею перепилят.

Но отпившись дарным молоком, на работу он всегда являлся, как стеклышко, повода для проработки не было. Жена его, Нина, работала кочегаром в котельной поселка, была постоянным депутатом двух уровней, членом профкома. Короче, была как тогда говорили, активисткой. Дети учились в школе-восьмилетке. Через год зять с семьей выезжал на "большую землю" в отпуск, но дела на мясо-молочной, как сейчас бы сказали, ферме, не останавливались, теща управлялась.

Возникают порой такие обстоятельства, что хочешь не хочешь, а менять распорядок надо. Вот и у Головкиных наступил такой поворот, закончила старшая восьмилетку. Куда податься? В интернат? Можно бы. Да жалко ведь, свое дитя, родное. И крутанули свою жизнь сибирские старожилы: купили на окраине Свердловска дом, отправили туда дочь с бабкой: одну - учиться, другую - хозяйство вести, внучку обихаживать и блюсти.

- А тут мы и сами управимся. Не велика беда, - так порешили.

Не прошло и полгода, как порушилось без тещи фермерское хозяйство: одну голову продали, другая пошла под нож. А вскоре они сами уехали к дому поближе.

И когда сейчас слышу:

- А! Дали бы только в руки землю, фермер моментом завалит нас мясом, зальет молоком, привожу в пример эту историю.

- Нет. дорогие, - говорю я, - крестьянство - это призвание, подвижничество, ему за день-два по приказу не научишься. И даже в ПТУ или колледже не натаскают, в него, как в йогу, надо входить с желанием и постепенно, чтобы не навредить себе и земле.

Тещино подворье. Да оживет оно пусть и возродится.

РАСТУТ НА ХАНТЫЙСКОМ СОСЕНКИ

(ваховские соседи)

В Охтеурье я приехал, чтобы повидаться с давнишним знакомым - председателем поселкового Совета - по старому, ныне - главой администрации Виталием Васильевичем Бурундуковым.

Он только что выписался из больницы, но сразу же появился в своем офисе, где мы с ним и встретились.

К сожалению, наш разговор иногда прерывался: извинившись, его требовательно вызывали в соседний кабинет через боковую дверь.

Часов в десять вечера на мансарде его соснового дома мы беседовали, когда нарисовался белобрысый, как показалось мне, парень, которого я уже несколько раз видел в поселке: то на красном "муравье", то еще на какой-то технике пассажиром. И в конторе он прервал нашу беседу: что-то о пожарах, мероприятиях.

И вот по-домашнему явился снова.

А потом слово за слово он и приловил меня.

- Можете час с утра, с 8 до 9, выкроить? Я вам все покажу и в целости и сохранности доставлю пред очи Бурундукова.

Хозяин заметил:

- Кстати, вы же тезки. Не знаете разве? Это ж наш лесничий. Ты при ком уезжал? При Бреусе? Недолго работал. А тезка твой уже. Сколько, Николаич, ты здесь?

- С 82-го, - ответил тезка. И я заметил, что он вовсе не пацан белобрысый.

Зимой 75-го года меня направили в Ваховск главным инженером. Вскоре я познакомился и со старостой, и с охтеурским лесничим Бреусом. Помимо деловых отношений они оба вызывали интерес и своей колоритностью.

Точно такой же интерес вызвал и начальник Лобчинской метеостанции, находившейся от нас вниз по Ваху. По сибирским понятиям рядышком.

Навигация 75-го открылась рано. В ближайший малозагруженный день на катере мы с главным геологом и начальником отдела снабжения поехали в Лобчинское.

В принципе, и прежние мои знакомые в разных концах России были гостеприимны и хлебосольны, но Мезенцевы удивили.

Когда мы стали уезжать, хозяин прямо насильно стал навешивать на нас гирлянды просвечивающихся на солнышке чебаков.

Что это были за чебаки!

Когда я вскоре полетел в командировку в Главк, эти чебаки были самыми красноречивыми. Почти любые мои просьбы под них удовлетворялись.

И я еще приезжал в гости. И они, бывая в Ваховске, заглядывали к нам. Позже меня перевели. В этих краях я стал бывать наездами, связь с Мезенцевыми, как и со многими другими, прервалась формально, но душевно - оставалась, теплилась.

Близко к восьми я появился возле указанного мне дома, продефилировал пару раз мимо калитки, и решил войти. В глубине двора в летней кухне мелькнула женская фигура.

Залаяли собаки, и женщина выглянула:

Виктор Николаевич сейчас будет, на "Татре" уехал.

- Где-то я ее видел, или на кого-то она похожа, - мелькнула мысль. - На кого?

Договорившись, чтобы меня, когда нужно, позвали, я ушел. Меня позвал чуть позже молодой паренек. Мы сели в лодку к лесничему и поплыли к Хантыйскому острову.

Полые воды Ваха пошли на убыль. Чистые гривы с могучими соснами и кедрами, отражающиеся в зеркальной глади вод, манят урбанизированных соседей. Под моими кронами восстановится твоя древлянская сущность, я напою твою душу своими соками и ты почувствуешь душевное равновесие.

И плывут.

Зов этих зеленых островов, повторенных в золотом расплаве слившихся закатов-восходов, даже самая черствая душа матершинника-бригадира ощущает его.

И на здоровье. На физическое и душевное.

- Не брось искорку. Погаси окурок, не бросай его. Остатки костра педантично загаси. В землю зарой склянки-банки, бутылки, они как линза могут сфокусировать солнечные лучи и возжечь жаркий, как порох, ягель. Не делают. Вон, видите, кедры кое-где пожухли. Только неделю назад блокировали. 16 гектаров выгорело. Хорошо, ветер от материкового бора дул. А то бы Хантыйский остров - 1,5 тысячи гектаров - все бы полыхнуло.

- Красиво, - согласился он. - Но ведь красота - вещь хрупкая. Создаешь ее, лелеешь и мандражишь всю жизнь: как бы какой охальник не порушил.

Послушали бы, как у него изменился голос, когда он говорил о сосенках-младенцах, сосенках-сосунках.

КОНЕЦ - ВСЕМУ ДЕЛУ ВЕНЕЦ

- Бурение. Без него скважины не будет, а без испытания - нефти, месторождения, то есть открытия, - лукаво улыбаясь одними глазами, словно подслушав наш разговор с Гаевским, говорит опытный освоенец, досконально знающий весь цикл строительства скважины, Ленонид Куприянович Коренчук. - Не зря ж народ говорит: "Конец - делу венец". Правда, сейчас венцом можно назвать не испытания, не освоение скважин, даже не эксплуатацию, а когда за сданную нефть денежки переведут и зарплату выдадут. Тут он уже себе и улыбнуться позволил сдержано.

Краткая биографическая справка. Родился 8.03.44 г. в селе Лажева Хмельницкой области в семье селянина Куприяна Савельевича. Село было большое, дворов 400, только в семилетку сто двадцать детишек бегало. Семьи были большие: семеро - у них, у соседей - десять детей.

- Сейчас, - с грустной иронией говорит Леонид. - во всем селе столько не наберется.

После школы закончил техникум. Получил специальность машиниста подземного электровоза, в Кадиевке работал три года. Семья переехала в 61-м году в Казахстан, туда же в совхоз, в Кокчетавскую область, вернулся после армии и Леонид. В 65-м году женился. Работал электромонтером на ЛЭП. Вскоре связал свою жизнь с геологоразведкой: сначала в Волгоградской геологоразведочной конторе, затем, в 73-м году, в Вахской экспедиции. Сначала слесарем в буровой бригаде Валерия Щастного, затем бурильщиком, машинистом подъемника в испытании, мастером по испытанию скважин. В 83-м году закончил Саратовский техникум. Двое детей. Уже дед: внуку несколько месяцев. Имеет огород, подворье.

- Так кто ты сейчас, Леонид Куприянович, крестьянин или геолог? - подначиваю Коренчука. - Нефтеразведчик или фермер?

- Жизнь сейчас такая, - смеется нефтеразведчик-крестьянин, - универсалом надо быть. готовиться к испытаниям. Мы скважины испытываем, а нас, в свою очередь, жизнь и время.

- Но приток будет? В смысле результат?

- А это уж от каждого зависит: каково дело, таков и венец.

НАМ МАЛО НАДО: ВОЗМОЖНОСТЬ РАБОТАТЬ И ЗАРАБАТЫВАТЬ

"..не русский я, но - россиянин!"

М. Карим

В Уфимский нефтяной институт я поступил не только из-за перспективности профессии, немалую роль сыграли высокая стипендия и флотски-элегантная горняцкая форма. Поступил, при огромном, кстати, конкурсе. Не только я, видать, был ушлый. Понял я, что не зря такая высокая стипендия: отрабатывать ее приходилось на

совесть. После первой же сессии курс сократился на четверть. Постепенно я увлекся процессом учебы и на последних курсах случалось даже повышенную стипендию получать. Помогло этому то обстоятельство, что я перестал стесняться спрашивать. Позже, работая, со всей доброжелательностью стал относиться к тем, кто задавал вопросы, не боясь показаться невежей и тупарем. Ведь в основе творческого начала лежит, по сути, любопытство, любознательность.

Может быть поэтому, заступив в должность главного инженера в Вахской экспедиции, я невольно обратил внимание на шустрого, любопытного, худощавого помбура с резким голосом и характерным движением руки, подчеркивающим смысл сказанного.

- Кто таков? - поинтересовался я.

- Рахматуллин Рашит Фаритович, - пояснили мне. Молодой специалист. После Ишимбайского нефтяного техникума. Женат, имеет дочь. Кстати, призывают в армии.

Было это чуть не двадцать лет тому назад.

Поговорили мы с ним и женой его о любой сердцу солнечной Башкирии. На прощанье пожелал я ему легкой службы. И в самом деле вскоре снова он появился у меня.

- Армия сказала, что обойдется пока без Рахматуллина. - пошутил Рашит.

Вскоре мы с Вырвыкишкой А.Я. назначили его вместо Щастного, ушедшего в Карскую экспедицию и.о. бурового мастера. А ведь в то время у нас на рабочих должностях работали выпускники ТИИ.

Горяч, горяч оказался молодой мастер.

Конечно, сейчас Р.Ф. так не думает. В распоряжение ни к кому не отправляет. Сейчас он сам воспитывает. Жизнь есть жизнь. Тяжело к ней привыкать, но еще тяжелее сохранить интерес к ней. Сохранившееся любопытство и не позволяет ныне при тяжком недуге терять жизнерадостность. Наоборот, заставляет подставлять жилистые плечи под нынешние нелегкие экспедиционные дела.

Село Кусяпкулово Ишимбаевского района Башкирии.

Это уже почти степь. На горизонте, в жаркий июльский день голубые, плывущие в мареве, абрисы шиханов.

Это - белыми облаками - далекие меловые взгорья.

Это - Башкирия. Страна моего детства. страна красот, выдумок и чудес. Страна всяческого изобилия.

Отец Рашита, Фарит Хабибович, с пяти лет сиротой жил. Но не пал духом, чуть выросши, - это-то и примечательно - уехал не в Уфу или Казань, в Москву. Устроился со временем на работу. И сирота стал помогать, пусть по мелочи, другим. В основном в отношении работы. А с чего начинается подвижничество? С мелочи. Но систематически осуществляемой. Так мне кажется.

Чтобы понять сына, надо понять отца.

Почему отец уехал в Москву? Обидели в родных местах. Уехал искать правду в Москву.

В этом ключ и бурмастерского экстремизма и многих не называемых здесь подвигов молодости. Вот когда можно оценить ценность перестройки: отец всегда отец, сын всегда сын, если достойно несет честь фамилии.

Отец при основании башкирской нефти, второго Баку, в Ишимбае начинал буррабочим. Прошел все рабочие места на буровой, в том числе бурильщиком. В инструкторской вахте работал, т.е. в вахте высшего пилотажа, когда приезжал к сыну в 75-м году.

В то время, когда план делал партком, профком и начальник, а валил главный инженер и его службы, по крайней мере в Главтюменьгеологии так считалось - главные инженеры менялись как перчатки. Вахская экспедиция в этом отношении не характерна. За 30 лет на 8 начальников приходится 11 главных инженеров. И только пять главных геологов. Однако если учесть, что почти половина этого срока приходится на нас с Рашитом, то тезис о плане может и был справедлив. Но сейчас он устарел. И это хорошо. Почему? Потому что каждый должен и может заниматься только своим делом. Нет всемогущих парткомов, райкомов, обкомов, ЦК. Времена меняются, приходится перестраиваться. Рашит Фаритович,

уже будучи главным инженером экспедиции, закончил знаменитый нефтяной институт заочно. А в послеарткомовские времена побывал в служебных командировках за бугром. Смотрел, запоминал, учился.

- Спрашивать не стеснялся? - напоминаю ему о молодости.

- Нет, - смеется он. - Спрашивать пока не стесняюсь.

- Как сейчас работать - легче? Не мешают? Не лишают премии, как помнишь, меня за бартер типа дизтопливо - сварочные электроды? За горизонтальные связи с соседней областью.

- Нет. Сейчас другие проблемы: финансирование. Государство обещает мало, но и обещанного не выполняет. Крутимся, ищем подрядчиков, заказчиков. Я занимаюсь производством, начальник ищет финансы. Работать мы можем. И нам мало нужно. Работу. И зарплату за нее

И хотя разговор у нас с Рашитом Фаритовичем Рахматуллиним, главным инженером, исполнявшем в июле обязанности начальника, Малджанов был в отпуске. закончился на такой, будем говорить, прозаической ноте. эти заметки о нем я бы хотел закончить стихотворением "Буровик".

*В моей работе что-то есть
От спайпера и от сапера.
Терпенье - это до упора.
Везенье - нужно приобрести
Упорством, а не разговором.
Сомнения - проверь и взвесь!
Злость - на расхлябанность и спесь.
Страх - невозможности повтора
Всего что было, будет, есть
Надежда, что еще не скоро.
Любовь - она всему опора.
Работу завершает честь.
В моей работе есть все это.
И вдохновение поэта.*

ГЕОЛОГИЯ - ЭТО ЖИЗНЬ

На Верхне-Колик-Еганском месторождении уже пробурили несколько геологических скважин. Богатой обещала быть новая нефтяная кладовка, промысловики Варьегана, не избалованные самотлорами, рады были такому открытию ваховских геологов: все-таки не мелочь забалансовая. Есть во что деньги вложить.

Главный геолог Вахской нефтеразведочной экспедиции Низамиддин Малджанов успехом окрылился. Он самым молодым главным геологом был в Тюменском Главке и доброе честолюбие не было чуждо и ему. В отпуск отправлялся осенью с хорошим чувством и настроением. А возвращался в свой Ваховск зимой уже, и здесь-то поджидала беда. Он и на работу не успел выйти, как на Верхнем-Колик-Егане случился открытый фонтан. Вообще, это месторождение отличалось мощью своей газовой начинки - это он знал, знали об этом и буровики. Они успешно провели скважину, да вот не предусмотрели всего при обвязке ее.

Страшный гул фонтана слышался далеко окрест, словно тысяча органических труб слилась в рокоте на самой низкой ноте, будто сильнейшие самолетные турбины включились в этот хор и перебивали стрекот вертолета, лязг тракторных гусениц. Давление на устье скважины было такое, что сбить его, казалось, невозможным. Но делать-то надо что-то. И так и этак подступались к арматуре. И тут взрыв обрушился на буровую, разметал кого куда.

...Он очнулся в больнице. С трудом осознал это, с трудом вспоминал, что произошло, с трудом поначалу узнавал лица даже близких ему людей. Долгих шесть месяцев выкорабкивался он из кризиса - последствия тяжелой черепно-мозговой травмы, полученной при взрыве, все это время напоминали о себе.

Но эти боли были самыми страшными. Страшной было узнать, что в этой аварии погиб его друг Владимир Кошиль. Как? Это ему не удалось увидеть.

А после выписки из больницы Низамиддин получил еще один удар. Начальник экспедиции предложил ему оставить должность главного геолога. И вообще куда-нибудь уехать. И хотя вины Малджанова в случившемся не было, решил руководитель его с глаз глаз долой сплавить - так, мол, скорей забудется ЧП. Потупив глаза, встретил его и главный геолог Мегионского объединения, с которым прежде всегда общий язык находил. Это было самое настоящее предательство, неожиданное. Плунуть на все, уехать - значит признать себя несостоявшимися специалистом, изменить тем, с кем вместе делил трудности и радости здешнего бытия, изменить памяти Володи Кошиля.

Защитил молодого специалиста Фарман Салманов, в то время работавший начальником Тюменского геологического Главка. Да еще в семье Низамиддин нашел душевную поддержку, с женой Лилианой особенно в эти дни сблизился, отношения стали как никогда теплыми, доверительными. А с сыном Эмилем и малышкой - дочкой Лориной, даже вместе побыть рядом было великим успокоением от тяжелых мыслей. Как же мало раньше он уделял внимания семье - все время отнимали поездки на буровые, в дальние командировки, совещания.

Рассказ об этом эпизоде из своей жизни Низамиддин Малджанов не хотел рассказывать. С годами боль притупилась, но, как видно, не прошла совсем. Но я упросил вспомнить этот случай, потому что сегодня как-то забывают отдать память тем, кто первым шел к нефтяным кладовым. А в романтической биографии геологов были не только открытия, но и ... Сейчас, с высоты жизненного опыта, зрелости многое в прошлом нашем смотрится по-другому, может было бы сделано по-иному. Но без тех

испытаний не состоялись бы многие сегодняшние руководители.

- Кто же Вы, Низамиддин Малджанов - геолог, хозяйственник? В чем Вы сумели больше реализовать себя? - спросил я собеседника, зная, что российская нефтеразведка переживает тяжкие времена, свертывает поисковые работы, распускает профессионалов бурения, специалистов.

- Я специалист-геолог. И многое хотел бы сделать в этой области, поскольку кое что знаю в этом деле и понимаю в нем толк. Но жизнь распорядилась так, что пришлось стать хозяйственником. А чем приходится заниматься руководителю экспедиции - и вычислительной техникой, и стройкой, и, извините, помойками.

Малджанов в Ваховске восемнадцать лет. Один из самых запущенных поселков был, почти над отшибе района. Жили геологи в халупах, без дорог, хоть и открывали месторождения, хоть и встречали в газетах свои фамилии в рапортах. Когда назначили его начальником, хотел враз все дыры в своем хозяйстве закрыть. Но проблемы, как головы у дракона: с одной сладишь, другая вырастает.

Помнил, как за детский сад на ковре в Главке стоял. "Что, самый умный сыскался, отличиться захотел? Да такие хоромы не в Ваховске надо строить, а в Мегионе, Правдинске," - со свойственным темпераментом отчитывал Салманов.

- Не себе ведь дом ставлю, поселок самый неухоженный, с чего-то надо начинать. Пусть хоть детям полегче будет.

Фарман Салманов в бытность начальником экспедиции и сам не раз "грешил" незапланированными стройками. И он сменял гнев на милость, звал плановиков-экономистов, просил найти неосвоенные на инфраструктуре деньги в Сургуте. Мегионе и отдать их вон тому молодому да шустрому начальнику из Ваховска.

Но таким финалом не всегда завершались вызовы на ковер. Многих перемолол тогдашний партийно-административный молох, многим судьбы поломал.

Сегодняшнее плачевное положение в геологии Малджанов считает временным и абсурдным, тем более, что в таком богатом краю, как наш район и вообще Сибирь. Территория еще довольно слабо изучена, поиск нефти и газа здесь будет непременно продолжен.

- А может и хорошо, что нас заставили сократить добычу нефти и предложили пошевелить мозгами, - неожиданно бросает мне вызов Малджанов. - Мы ведь здесь все были помешаны на нефти и ни о чем другом знать не хотели. А посмотрите вокруг. Рыба у нас пока не перевелась, ягод, грибов, кедрового ореха - море, это не Финляндия какая-нибудь, где за валюту продают чуть-чуть подсахаренную бруснику. Лес поредел, но есть, песчано-гравийная смесь повсюду, словом, хоть дома руби, хоть паркетную доску готовь, хоть мебель клевай, хоть дорогу строй.

- Да ведь всего этого и раньше было вдосталь и побольше, чем сейчас. А что-то не находилось охотников ягоду да рыбу перерабатывать,- парировал я,- все к задвижкам рвались.

- А почему? На поиски нефти надо такие деньги, что только федеральному бюджету по силам. И раньше их находили. А сегодня у правительства их нет, реформы еще не работают. Но на переработку рыбы, леса, ягод, на выпуск кирпича не надо просить средства и разрешения Москвы, здесь местная казна должна потратиться, вместе с теми же нефтяниками, строителями, геологами. Япония потому и богата, что не имея собственной нефти и многих ресурсов стала создавать технологии нетрадиционных производств. Вот и нам пришлось мозгами пораскинуть. Создали акционерное общество и стали из геологической скважины нефть понемногу качать для собственных нужд и продавать, чтобы строиться, зарплату людям платить. Тем и живы уже три года, коллектив сохранили.

Но убывать стал этот ручеек, надо **другой** искать. Вот и затеяли кирпичный завод построить. **Запас** глины у нас под боком и практически неисчерпаемы. Электроэнергия, газ рядом. Поедьте, сами посмотрите.

Почти год назад я был здесь на символической закладке фундамента под главный производственный корпус. Сейчас на этом самом месте стояло огромное здание, а внутри его работали люди, сполохи сварки высвечивали остовы будущих печей. На площадке рядом с корпусом в штабелях лежал огнеупорный кирпич - значит задержки с кладкой печей не будет, как и с монтажом оборудования, которое хранится на складе.

- Когда я сюда приезжаю, смотрю на будущий завод, душой отдыхаю, - потому что дело движется. вопреки проблемам с финансированием, вопреки предсказаниям скептиков. Это ведь не просто завод - это кирпичные коттеджи в нашем Ваховске с городскими удобствами, просторными усадьбами под огороды. теплицы. гаражи. Не верите? Когда два года назад мост через речку и бетонку на эту сторону собрались строить, в поселке никто не верил, прожектером называли. Но районный бюджет, деньги геологов вскладчину с нефтяниками. желание белорусских строителей - вот вам и дорога. вот и мост, - мы как раз в это время подъезжали по аккуратной бетонке к солидному и добротнo сделанному мосту через речку.

Вряд ли за более длительное общение удалось бы заглянуть во все уголки души этого человека. Да и зачем? То, что повседневно видят люди - это ведь не маска: бывает резок, но не знает что такое месть, поможет в житейско-бытейском деле не из дружеского расположения, а если помощь действительно нужна, бывает очень жизнерадостным, а иногда замкнутым. По-разному относятся к нему люди: одни осуждают за частые отлучки из поселка, другие считают, что он больше других сделал для поселка, а сам живет в старом доме с прогнившим полом, одни готовы поддержать его в начинаниях, другие

считают прожектором. Но при всем этом на выборах зимой этого года старосты поселка тайным голосованием в закрытых кабинках семьдесят процентов односельчан голосовали за него при наличии очень неплохой альтернативы.

...В четыре утра он снова уезжал в командировку. Вечером посидел на дорожку. Угощал Низамиддин Мамедович огурцами и огромными помидорами из своей теплицы, при всей занятости он любит и находит время повозиться в своем стеклянном огороде и по этой части превзошел и жену Лилиану, и многих ваховских тепличников, которых в поселке великое множество.

- Может на денек заглянешь к Эмилю, - спросила жена, собирая мужа в путь.

- Ой, не знаю, не знаю, успею ли, дел много...

* * *

Сын Эмиль, учится на геологическом факультете Губкинской нефтяной академии, пошел дорогой отца.

* * *

На Кошильском нефтяном месторождении /названо в честь погибшего друга по настоянию Малджанова/ установлен камень в память о той беде. Он как бы напоминает о трудной судьбе первопроходцев.

Геология - это жизнь. И судьба для многих людей.

"А ВОКРУГ ГОЛУБАЯ, ГОЛУБАЯ ТАЙГА..."

Поселок Ваховск стоит в излучине реки Вах. В переводе с хантыйского вух - деньги. Вероятнее всего этим и руководствовались коренные жители, назвав так свое селение. Не счесть всех богатств, которыми наделила этот край природа-матушка. И теперь, чтобы иметь возможность взять эти дары, развивать здесь местную промышленность, сюда проложили дорогу белорусские строители.

Почти все жители поселка Ваховск пришли на торжество.

Поздравлением сельчан открыл митинг начальник геологоразведочной экспедиции Н.М. Малджанов. Затем слово предоставили главе администрации района Борису Сергеевичу Хохрякову.

- Уважаемые ваховчане! Сегодня у нас торжественное событие: официально открываем первую очередь автодороги Ваховск-Нижневартовск и этот чудесный мост. Двадцать девять лет существовал поселок Вах и лишь в этом году проложена дорога. Речка Максимкина, на берегу которой мы стоим, символически отделяла Ваховск от большой дороги, которая проходила в пяти километрах. Сегодня ее укротили, и здесь сооружен этот мощный и ажурный мост. Говоря символически, это не просто дорога, а открытие восточных ворот Нижневартовского района. С вводом ее сюда придет местная промышленность на благо жителей поселка. Сегодня у нас презентация дороги, а на следующий год возможно будем открывать кирпичный завод. В планах за кирпичным - строительство заводов по выпуску мебели и рыбных консервов. Часы Ваховска отныне начинают отсчитывать качественно другое, новое время...

Всякая дорога начинается с первого шага, и этот шаг был сделан десятки лет назад, в мае 1980 года, когда первый белорусский десант строителей высадился на сибирскую землю. Взамен поставок нефти и газа в

Р.РАХМАТУЛЛИН, А.СТРЕЛІЦ, В.ПОТОНАЛЬСКИЙ на буровій

Буровщик Д. А. П. Д. П. и П. на работе.

В горне

ЖДАНОВИЦА

Вышкомонтажная бригада ЗМТГ-ВЗВН

Буровой мастер МААС В.Ф. с вахтой ДЕМИДОВА В.П

ҮАЯВСКИЙ И.И.

Городской комитет «САХИОН» в г. Ташкенте

Беларусь, ее посланцы занимаются обустройством месторождений, создают инфраструктуру в Западносибирском регионе. И сейчас сдан новый объект в этом труднодоступном районе. Говорит А.И. Окатов, управляющий трестом "Белнефтедорстрой".

- Славные ваховчане, геологи, которые за двадцать с лишним лет открыли более 20 месторождений нефти и газа! Только с ваших месторождений область добывает более 10 миллионов тонн нефти в год. Геологи за свой труд заслужили памятник, и наши строители решили, пусть скромным памятником вам будет этот небольшой мост... Огромное спасибо за гостеприимство, нам не хочется уезжать в более отдаленные точки района. Пройдет время, войдут в строй кирпичный завод, а затем дома, церковь... Спасибо ваховчанам, что так высоко оценили труд белорусских строителей - придя на открытие нашей дороги.

Слов признательности дорожникам было много. Они и неслучайны - раньше в поселок можно было добраться на катере или на вертолете, да по зимнику. Отныне дорога с бетонным покрытием соединит этот остров благоденствия в тайге с самим Нижневартовском, Мегионом, Стрежевым - городами Нижневартовского района и Томской области. Она соединит геологов и нефтяников, позволит совместными усилиями решать социальные и производственные вопросы.

- Сегодня радостный день, это открытие большой для нас дороги, - отметил В.В.Бурундуков, глава местной администрации. - Давненько начинала она строиться, но лишь со временем нашлись надежные подрядчики, выбрали правильный проект, ближний путь и построили в довольно короткий срок.

На добрые воспоминания о важном событии села В.В. Бурундуков вручил памятные сувениры - изделия местного сувенирного цеха и школьников, которые изучают это ремесло.

Каждая стройка держится на очень активных, сильных духом и умелых людях. Поэтому согласно совместных

решений треста "Белнефтедорстрой", администрации Нижневартовского района и ваховской нефтеразведочной экспедиции объединения "Мегионнефтегаз" ценные подарки были вручены строителям, возводившим эту трассу по сибирским хлябям. Отмечались дорожные строители: И.А. Башинский, А.А. Хомяк, И.А. Семенович, Г.П. Багрецов, Л.А. Геращенко, В.И. Свирко, В.М. Шевченко, С.И. Борисик и многие другие, кто тяжелым трудом поддерживает фирменную марку белорусских строителей.

Открытие дороги Ваховск-Нижневартовск не единственное важное событие для жителей поселка. Основным заказчиком строительства труднодоступного участка дороги в пять километров была ваховская нефтеразведочная экспедиция объединения "Мегионнефтегаз", руководителем которой является Н.М. Малджанов. И сегодня вдохновитель строительства дороги Низамиддин Мамедович Малджанов решением коллегии комиссии Российской Федерации по геологии и использованию недр и Президиума ЦК профсоюза работников геологии, геодезии и картографии награжден значком "Отличник разведки недр". К сведению читателей - он прошел путь от простого геолога до начальника экспедиции.

11.15. - наиболее волнующий момент. Право открытия дороги Ваховск-Нижневартовск предоставлено Н.М. Малджанову и Б.С. Хохрякову. По длинному мосту через речку Максимку первыми на своих велосипедах проехали мальчишки поселка. Затем почетный эскорт автомашин во главе с районным ГАИ проехался по протяжению всего сооруженного пятикилометрового участка автодороги.

Торжество сменилось концертом, который подготовил самодеятельный хор "Ваховчанка". Задорные частушки, стихи и песни - все подстать сегодняшнему празднику.

В полутора километрах от автомагистрали, в тайге разместится кирпичный завод мощностью пять миллионов штук кирпичей в год. Здесь уже забиты сваи. Кирпичный

завод, также как и дорога, возводится руками белорусских строителей второго участка ДСУ-39 треста "Белнефтедорстрой".

Металлические рубли 1993 года и бутылка шампанского, как память о дате закладки кирпичного завода, символически были заложены в основание завода. Право закладки первого камня предоставлено Б.С. Хохрякову и Н.М. Малджанову. Затем поочередно присоединились все присутствующие.

Из первой продукции своего кирпичного завода ваховчане решили построить церковь в поселке, а затем использовать кирпич на строительстве жилья, объектов соцкультбыта местных поселков и района. В будущем планируется увеличение мощностей завода до 50-80 миллионов штук кирпича в год. К тому же стала более удобной и транспортная схема. В лесу возле глиняной горы, кстати, недалеко проходит и газопровод, что так же немаловажно для производства.

С развитием местного производства будет снята проблема занятости местного населения, что в свою очередь позволит решать вопросы социального плана.

Местные жители еще долго находились у моста, где и состоялся основной праздник. Работали торговые ряды, шашлычные, звучала музыка. Ребятишки фотографировались на новом ажурном мосту.

На мой вопрос, как еще люди работают в таких тяжелых климатических условиях, и.о. начальника ДСУ-39 треста "Белнефтедорстрой" Н.П. Коршев ответил.

- Нужно отдать должное строителям. Они понимают, что во многом благодаря им в Беларуси тепло и уютно в квартирах. Календарный график по сооружению данной дороги был составлен ранее и не учитывал местных климатических условий. С 20 октября по 20 января практически невозможно было завести стройматериал. И лишь с апреля началась штурмовщина - вывозка и забивка свай, бетонирование. Ранее белорусские строители не возводили таких мощных мостов (длиной 72,8 метра.

шириной - 8. по одному метру тротуары). И это самый сложный объект за пять лет. Откровенно говоря, ребята вкалывали от и до.

"А вокруг голубая, голубая тайга..." - далеко разносились слова этой песни, которую на импровизированной сцене пел местный хор "Ваховчанка".

*Районная газета "Новости Приобья" N 80
от 8 сентября 1993 г.*

ВАХОВСКИЙ ВАЛЬС

*В Ваховск влюбились с тобою мы с первого взгляда
И до сих пор притяженья его не смогли превозмочь.
Но ничего мне, признаюсь, для счастья не надо
Кроме того, чтобы ты была рядом,
И чтобы тихо кружилась над нами
Лебедем белая ночь,
Бел-бел-бел-белая ночь!*

*Скушно бывало в пургу и в глухое ненастье.
Так, что хотелось все бросить и шеметом прочь.
Но над собой оказались мы оба не властны
И, подчиняясь таинственной страсти,
Ждем не дождемся: когда же закружит
Лебедем белая ночь,
Бел-бел-бел-белая ночь.*

*Ты не жалей, что на севере корни пустили.
В теплых краях оказалось и детям невмочь,
Ну, улыбнись же, родная, хорош, погрустили.
Глянь, женихи твою дочь обступили.
Кружится в вальсе... Пусть кружится в вальсе
Лебедем милая дочь,
В бел-бел-бел-белую ночь.*

ВАХОВСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Ваховчане, как габровцы, любят подтрунивать над собой

Не буду повторять тривиальную истину: без юмора, мол, в таких условиях, сравнимых со станцией Комсомольской в Антарктиде, вообще не выжить. Нет, выжить можно, но с юмором легче.

Итак, ваховчане шутят.

Над собой.

Ваховск? Ка-нешно. О! Но это - особый поселок: на крыльцо выйдешь ночью... Ну, это, на звезду, это самое, посмотришь. И о чем-нибудь таком это. Личном подумашь. И что? Завтра весь поселок об этом будет знать. Проверено.

Так это, а может и нет: человек вдруг во сне разговаривает - но что-то в этом есть. (Или было). И что интересно, первый год работы в экспедиции я чуть не поверил в это.

Летом 75-го вцепилась в нас мертвой хваткой Нижневартовская РГТИ. Дабы показать на нашем примере самой маленькой по объемам в Главтюменьгеологии экспедиции, находившейся, кстати, в самой черной, в отношении коммуникаций, дыре - эффективность действий ГОСГОРТЕХНАДЗОРА в свете решений ЦК КПСС, а также новых правил безопасности в нефтегазодобывающей промышленности, согласованными ответственными работниками Мингео СССР, бывшим последний раз в командировке в поле еще до ВОВ. Государственная-то дедовщина - она, как в армии, начинается с избиения маленького: избыют в кровь - и вы, те, кто поздоровее, зовось покладистее станете. Но это я так, к слову.

И вот в связи с санкциями РГТИ мне приходилось часто разговаривать с почты по линии Минсвязи. А там, я так себе представлял еще с седьмого класса, когда сдавал экзамен по сталинской Конституции, обеспечивается

конфиденциальность разговора, то есть, попросту говоря, подслушивание исключено.

Разговаривал я и с руководством РГТИ, и с горкомом КПСС, вторым секретарем, в основном, и с куратором нефтеразведки обкома КПСС.

И вдруг оказалось: все нюансы моих переговоров - на устах жителей поселка.

Ну как после этого не поверить байке о мыслях. Правда тут - слова. Да и не шепотом сказанные: орал на весь поселок в микрофон, как мистер Питкин:

- Вартовск? Вартовск? РГТИ? ГОРКОМ?

Но секрет мне открыла тогдашняя хозяйка гостиницы, моя однофамилица:

- Почта-то? А! "Спидолу" вон включите, на "КВ" настройтесь и слушайте коль не лень все секреты. Не знали что ль?

- Это - голос. А мысли-то - все же как? Неужели у нас все сплошь экстрасенсы?

Вряд ли. Если бы все читали мысли, не случались бы с иными ваховчанами поистине габравские случаи. В большинстве своем ваховчане искренни, доверчивы и чисты, как дети.

Для иллюстрации этой черты характера ваховчан вот несколько примеров.

КАК ТАК?

*Одно время у нас в каратажке
Был механиком Витя Петров,
Скромный парень в армейской фуражке.
Разбирался в движках будь здоров.*

*Он со всеми был детски доверчив
И не раз попадался впросак.
Острословы любили при встрече
Смаковать случай тот - про рюкзак.*

*Витя как-то домой возвращался
Был рюкзак с запчастями тяжел.
В Нижневартовске ночь протолкался.
Вертолет рюкзака не нашел.*

*Было жалко до смерти трамблеры
И другой дорогой дефицит.
Доведись обнаружиться вору -
Он бы, точно, имел бледный вид.*

*Все смеялись. Механик смущенно
Озирался: чего, дескать, ржут?
И опять повторял удивленно
Как же так. Не свое, а берут.*

В стихотворении у меня есть продолжение. я его не привожу: сплошной моралитет и, к тому же. наивный поваховски.

И еще. Тоже про рюкзак и про как же так.

ОДНО МЕСТО

Иван Ефремович Пильщикова - начальник экспедиционного узла связи

Как я убедился, многие еще помнят его. хотя он и уехал из Ваховска даже раньше меня. Но не многие знают, что случилось с ним в пути. Мне он рассказал об этом в Новоаганске, куда он некоторое время летал из Саратова вахтовым методом.

А случилось с ним вот что.

Жена его работала в школе. Учителя. сбросившись, купили им на отвальную ковер. Вещи все Иван Ефремович уже отправил, аккуратно упаковав. - а он. надо заметить. был обязательным человеком что ныне, согласитесь. редко и аккуратистом, даже педантом. Маргарита Николаевна Бендас, его единственная подчиненная. может подтвердить. и, сами понимаете, ковер внес некий диссонанс в его планы: отправить или взять с собой? Решил с собой. Плотно свернутый, в чехле, ковер вполне вмещался под клапан плотно упакованного рюкзака.

Чтоб улететь на Саратов. надо было сделать пересадку в Тюмени. Ждать надо было долго, и Пильщиконы решили

сдать вещи в камеру хранения и уехать в город. Сказано - сделано.

- Вам это как? Одно или два места?

- Точно, Николаич, точно. Мне кажется, так и спросили. И я не потому что мне жалко было заплатить за лишнее место, а потому, что нес-то я их как одно место, - рюкзак с ковром - так и сказал: одно место. Ковер же под клапаном был: значит в рюкзаке. Ну, а торчит... Так бы и сказали.

- Короче.

Там посадка в вертолет, здесь - в ТУ-134.

- А где же ковер?

- Какой ковер? У вас одно место: рюкзак. Получайте и проходите. Будете шуметь - милицию вызову.

- Ну как же так? Ведь ковер был в рюкзаке. Вот, под клапаном.

- ХА-ХА! У него рюкзак набит бог знает чем. Может, недозволенным? А он говорит, что в рюкзаке еще и ковер был. Проходите. Милицию вызвать?

- Эх, Иван Ефремович. С такого-то потакательства и начался транспортный беспредел. Впрочем, это уже авторский моралитет, а я его хотя бы в этом разделе хочу избежать.

*Семь зим, семь весен и семь лет
Я встретил в Ваховске, но осень
Седьмую встретил там, где просинь
Такая - уж какой и нет!*

Ей-Богу, все приведенное - экспромт. Но в нем есть смысл глубокий. Естественно, натурального эшафота и ямы я не испытал, но была, была - высокого давления, кстати, барокамера, и до сих пор она есть - я ощущаю ее давление, но смеюсь как Беранже, - да ну их, говорю.

ДВЕ ИГОСТАСИ

Боря В. (не хочу называть фамилию) работал в экспедиции к моему приезду уже много лет. Несмотря на зрелый возраст, холостяковал и жил в общеаге.

Осадистой фигурой, круглой головой, посаженной на круглые покатые плечи, а самое главное безобидными глазами, доверчивыми, ласковыми щеками и толстыми материнскими губами, готовыми каждому хорошему человеку улыбнуться, до блазнения напоминал он мне известного артиста. Даже голос его то бухтел по-гномовски, то брезготал, как у водяного.

В Ваховске то к этому сходству присмотрелись, а я только приглядывался.

И вот ведь оно, объяснение, нашим-то поговоркам. Что имеем - не храним, потерявши - плачем. И другой. Нет пророков в своем отечестве. И в самом деле: какой пророк, когда свой. Как я. Как сосед.

Так и я. Привык к Боре В. Помбур как помбур. Хоть и похож на артиста Леонова.

Через год или больше иду на вертолетку, закрываюсь от холодка. Повернул из-за пекарни и тормознулся.

Возле детсада, на мостике через теплотрасу, стоит некто с фигурой командарма Фрунзе. Кстати, в сером осеннем пальто шинельного цвета.

Присматриваюсь: кто бы это?

Одна рука на перилах перехода. Другая - по-ленински. навскидку ладошкой. И глаза вприщурку. Розовощек. Одет нарядно, даже щегольски: пальто распахнулось - видны "унутренности".

Неужели это Боря В.?

Стою. Бог ты мой: плакать или смеяться.

Вот она - жизнь.

Комедия. Трагедия. И - драма.

Командарм, между тем, подает команды.

Детишки из садика, как рыба мелкотня, прильнули между тем к забору: рты аж пооткрывали. Глазенками зырят. Не моргнут.

Да что они - я замер. Смеяться или плакать?

Боря между тем посуровел, приложил к вздернутой фуражке развернутую ладонь и хорошо поставленным командирским голосом пропел.

- Для про-хождени-я церемониальным ма...а...ршем, па-а-батальо...о...оно! ...а-агом! а-арш! - приложив ладонь к фуражке, разлыбясь, - ну до чего ж он был похож на воспето-перепетого вождя. Хорошо идете, товарищи. И я неволько подтянулся.

Для тех, с кем Боря В. работал, это не было неожиданностью. Перекушамши, - авторитетно сказал кто-то из них. Одни гонят гусей, а другие - командуют ротами.

Самое интересное, что на следующий день попался Боря В. на глаза мне на далекой буровой. Гляжу, чуть враскорячку, ни шатко и не валко, но вполне профессионально, управляется Боря со своими помбурскими железными причандалами.

- Как он? - поинтересовался я вполголоса у бурильщика.
- Не того?

- Ништяк, - отмахнулся бурильщик. - Покомандовал теперь до дня Победы. Не раньше.

Проходя мимо Бори В. я с любопытством глянул на него. Но он, благоточиво и уютно сопя, полностью был занят тяжелой работой и не удостоил меня взглядом.

И я был не в обиде, хотя где-то у мозга в зале еще звучало эхо: п-а-а-ба-тальонно!

И я задумался. Ах ты ваховская жизнь. По себе заметил: как завел огород, тепличку, - спокойнее стал. Разрядка. Поковыряюсь в земле, оборву лишние побеги, сниму первый урожай. И успокоюсь. Это мне дозволено. А Боре-то, холостяку, другим борям - где им отрицательные эмоции сбрасывать? Видимо, и остается - вот в такие парады.

Детская искренность и наивность, однако, уживается у ваховчан и с детской жестокостью. Как это не печально, но факт.

Вот два примера.

ДЫМЯЩАЯСЯ МОТНЯ

Р-90-я Кыс-Еганская летняя точка перешла в зиму.

Было уже крепкоморозное предзимье. Буровики занимались скважиной, механизаторы ремонтировали технику.

Я шел с буровой. Возле мастерского балка остановился.

Я резко обернулся.

Широко расставив ноги в ватных штанинах и валенках, стоя на гусенице трактора, тракторист упоенно возился в недрах дизеля. А из промасленной мотни его ватных штанов между тем поднимался вверх голубенький извивистый дымок.

Я все понял сразу. Какой-то, остряк на уровне боцмана, бросил дымящийся окурок в прореху штанов и теперь, давясь от смеха, наблюдает.

Чтоб прервать буровицкую хохму, я окликнул тракториста.

Выпрямившись, он завопил, спрыгнул с гусеницы и, матюкаясь на чем свет стоит, стал тушить очаг возгорания.

ДЫМОКУР

- Эт-т на Сабуне ишшо. Едем по зимнику. На АТЛке. Догоням цуг:трактор балки ташшыт. А в балках печки топят. Дым из труб идет. Ну! На болотине - прям сине море-белый пароход. Ага. Ну. Нич-че, думам:счас выкурим! Ну!. С атээлки-т, с капота, и - на крышу. И трубу-т - куфайкой заткнули. Ага. Сами - по газам, обогнали цуг. в заболотье, на гриве, тормознулись, ждем:че будут делать? Ага. Ну - смеху!.. Оне, сначала-т дверь - один откроет, головой, как глухарь повертит, другой: туда-сюда... А никого:чисто поле! Болотина!..Ну!. А из двери-т, как из дымокура.-дымище!.. Ну:смех!.. Куда деваться: головешки стали кидать в дверь... Вот. Мы - уссялись... Капельня натуральная получилась! Нам - смех, а оне - чуть не в драку... Ага. Ну! Нич-че! Шутя ж... Че уж.

От автора. Действительно: шутя ж. А у меня еще до сих пор голова гудит от буровицких шуточек. В 61-м году, в Усть

- Балыке, где сейчас Нефтеюганск, в ожидании колонбины - трактора с прицепом, крытым пологом, игрывали мы в "угадайку": одна рука возле уха, другая, вывертом ладони, на лопатке. Другой раз кто-нибудь ошибется, да как вмажет по руке, что возле уха, - искры - натурально - посыпятся. Что тебе НЛО и шаровая молния. И хоть знаешь - кто, но ведь пальцы гнут лебедем даже друзья: угадай. Обидно. Да виду не подавай: ждать-то еще долго, можешь и отыгаться. Да, какая жизнь, такие и шутки. Вот здесь классик прав: бытие определяет сознание.

ПИВНАЯ НАДБАВКА

Тампонажник Гриша Д. женился на молодой специалистке и летом поехал к теще на блины. Вернувшись, рассказывает.

- Ага. То да се - погуляли как следует. Будни навалились. Ну там по хозяйству, - теща довольна. А у них там пиво - во! Хоть и райцентр. Я, чтобы лишний раз не таскаться, по ящичку брал. Пью и похваляю.

- Хорошее у вас пиво. Но, замечая, теща в смущении. И как-то раз она осторожненько так говорит.

- Дорогой зятек, не много ль пивка-то потребляешь? Оно, чать, и для здоровья не так чтобы уж, не говоря об кармане: денег больших в таком количестве стоит, чать.

- Тю! - говорю ей. - Не беспокойтесь, мамо. За заботу о здоровье дякую. А насчет денег - говорить даже не надо. Мы ж с севера. И в льготном отпуске. По договору в этом разе нам для укрепления организму витамином "Е" дрожжи положено или пиво.

Теща замолкла, покачала, сомневаясь, головой, но насчет пива больше не затевала разговоров.

ЧАЙ С ТАБАКОМ

Михаил К. недавно устроился в экспедицию. И надо же, с глубочайшей похмелью пришлось ехать на буровую. Ну! Готовлю агрегат и чего-то понадобилось в буровой. В дизельную зашел: то да се. Тут кто-то зашел, дверь открыл

- выхлопные газы проникли. Только дохнул - меня и завыворачивало.

- Ты чего-эт? - спрашивает меня кто-то.

Глянул - да это ж Сапожников, начальник экспедиции. Принимал-то меня он. Вот, думаю, только устроился и на те. Но виду не подал. Да, говорю, эти буравики.

- А чего такого буравики?

- Табак в чай кладут, - говорю. - А я к чаю с табаком непривыкший, вот и тошнит.

Он хмыкнул.

- Я пил, вроде ничего. И отошел.

Вот так буравики меня выручили. Чай с табаком.

ФУ-ЫКАЛКА

Толика Г. знаете ж? Ну вот, он как-то с похмелюги нарисовался, а потом исчез. Перед обедом появляется уже хорошеньким. Хотя ему зарплату на счет стали переводить в сберкассу и все ж похмелился. Прихожу на обед, а мой сынишка радостно прыгает:

- А к тебе дядя Тоя пьиходий.

Посиди-ка один, когда в детсаде карантин. - рад парнишка и приходу дяди Тои.

- Ну и че, - спрашиваю, - дяде-то надо было?

Сын прыгает.

- А спьясий, где ты. Он по носу мне побибикал и спьяшивает, где такая фу... фуыкалка, из котоой ты после бытья фуычишь. Я говою, вона. Он с фьякона фуыкалку свенуй и выпил. А мне пузык дай и говоит. игай. Вот я им и игаю.

ДЕНЬ ИЛИ НОЧЬ

Михаил К. Опять про Толика. Поехали на цементаж. В ночь. Толика загрузили, спит. Потом, смотрю. очухался и свет в кабине включил. Выключу - он включит. Выключу - он включит. Надоело! Ты че, говорю, погнал. что ли. Не знаю, говорит, а темно-то че. Так ночь же. говорю. так тебя перетак.

- А, - говорит, - тогда ладно. И успокоился.

Михаил К. Высадили нас на летнюю буровую: подшаманить тамошний агрегат (цементировочный: ЦА-320 - В.К.) и, если заведется, перегнать его на нулевку, на забурку. То да се. Короче, - вы ж нас знаете: колоду заведем, не то что агрегат, поехали. А дорога. По буграм. по гривам. И день-то с гулькин нос. Полдороги не протелепали - одна, вторая скорость в исправности, гидроусилителей нет, покрути-ка. Ну. А тут и сумерки. Потом - вообще, как у негра. А фар-то вообще нету. Ладно, тепло было, градусов под двадцать. Ведро с соляжкой на месте фары приспособили, факел в него - рулим. Только черные хлопья по сторонам. А где зигзагом, на буграх с поворотами, - там Толик, как Сусанин, шел с ведром и факелом и светил. Ну!. Точно, как Данко. Ага. На буровую приезжаем. Ну, ПЗР же - все спят. Смотрим, в одном балке свет, сунулись в него - а в нем повариха, вставать уж, видно, собралась. Нас-то увидала - и закрестилась: свят-свят-свят. И попятилась, и попятилась... В стенку уперлась, а все пятится.

-Да ты че, - говорим, - мы ж тампонажники, а не черти. Это я допер, когда Толика при свете увидел: ну дьявол не дьявол, но черт - вылитый. Сказал я это, а он мне, сам такой. Повариха-то, в себя уже пришла. зеркало мне тацит. Ну, не буду говорить, что я там увидел. Вот, внучата, деды-то как хохмили бывало.

Авторское отступление

Ах наши зимники, зимники. Кто не ездил по вашей худосочной, в позвонках, в ребрышках, худой, но скользкой спине. Кто ездил, тот знает. А кто не ездил - то ему не объяснить и не показать. Что русские, чешские или американские горки в сравнении с тобой.

Ехал я со скважины-первооткрывательницы Хохряковского месторождения в кабине ЗИЛка, ведомого молодым начальником транспортного цеха Романом Г.

Были зимние сумерки, дорога, если ее можно было назвать так, петляла с бугра на бугор. Кидало, как на этих самых горках. И вот когда уже замелькали в просветах между стволами огоньки подбазы, вдруг заглох двигатель. Этого еще не хватало. Роман полез в двигатель. Пошурудил там, похмыкал и - на стартер. Двигатель завелся и заглох мягко. Роман опять выскочил, поднял капот и скрылся под ним. Я решил выйти тоже. Но я не пошел с советами к Роману, а стал обходить машину сзади. И - остолбенел. Уезжали с буровой, кузов был, а сейчас - нету. Когда мне мерещилось: при отъезде или сейчас, что кузова нет? Но если был, а сейчас нету, то куда он мог деться? Ведь он же прочными стремянками крепится. Если бы что. так должны были мы почувствовать. А-га-а... Вот почему мы заглохли. Я обошел машину.

Когда кузов у нас снесло, вместе с ним снесло и топливопровод от бензобака к двигателю. Я окликнул Романа и показал ему все.

- Ай-вай-вай, - расстроился Роман - Как же так? Я и не заметил. Вы заметили.

Мы приспособили ведро с бензином, опустив в него трубку, и дотелепали до подбазы.

Ах наши зимники. зимники. Не соскучишься с вами.

Это еще были только Хохряки. А ведь предстоял еще выход на Верхнюю Тольку, Каральку, возвращенье на Сабун.

СЕНТЕНЦИИ И АФОРИЗМЫ ПАВЛА АЛЕКСЕЕВИЧА ГРАЧЕВА:

- Ну и че? Да хотел я ...

Да! Печатай! Ну и че? А я тебе - непечатно ...

- Правда. Было дело. Вышел я на сцену: так говорю, и так. Вас, меня и членов правительства. Да По-своему. Ну. Многоточиями или как хочешь: все меня знают - не обижаются. Потому как знают: у них - на уме. а у меня - в многоточии! На бумаге - многоточия, а со сцены - слова.

Оно даже может и не слова. Наречие, можно сказать, - но ведь как оно чувство выражает. Если бы не выражало, чтоб тогда мне хлопали, как народному артисту? Да. Я такой. Конечно, сложный. Каждый человек сложный. Возьми, вон машину: каждая сложна, но - по-своему. Да не дурачусь я просто такой. Ну шевбутной, заводной. Но не равнодушный. По мне: будь ты хоть кем, но шевелись. А вот так иной раз, когда челочка обложишь, - конечно, красиво, творчески: иного - ласково, по синусоиде, так сказать, касательно, а другого наоборот, арканом. И что? Ожил человек, шевелиться стал.

- Ты знаешь, Паша, я об этом уже слышал.

- От Кочерыги, что ли? Ну нет: у нас разные подходы

- Эт-т - ты о Кочневе? О Ларионыче?

- Ну! Все это. Я, видишь ведь, всю жизнь языком, как вентилятором, сорные слова верчу. И что? Сын-то мой ни одного слова, как девушка, не повторит. Во! А у другого кто меня судит, дети толкового русского слова не скажут. Как Эллочка-людоедка выражаются. А че? Думаешь, я уж ничего и не читал? Э-э, дорогой мой, ошибаешься глубоко.

И хоть многоточия Абрам Терц в своем исследовании "Прогулки с Пушкиным", на примере "Евгения Онегина", заклеил, я все же ими воспользуюсь.

- А мне - че? Мне ...! Главное - тезка! Ну! Был грех: чуть поддали. Но идея-то - чистая! Тверезая! На! В переплавку? Отдай ты нам эти АТСы! Обиходим, почище чем ты эту самую ... Ну! Европейскую модель И польза будет: не мне - экспедиции, а, значит, и Отечеству! Вот в чем и было мое,! Я так и написал: тезка, мол, Мы тут - без запчастей к АТСам, а они, новенькие АТСы - под пресс! Перестройщики! Конверсионщики! Вот вы какие (движение рукой ...) - а не перестройщики. Гробовщиками вам быть! А че: не правда, что ли? Скажи?!

Письмо отправил. Жду ответа. А то смеются: я под этим на спине и тощих ягодицах мозоли натираю, ремонтирую! А они - новое - губят! Как так?

Авторское отступление. Рассказал я об этом случае подробно потому, что сейчас такие ситуации возникают не на уровне Николая Алексеевича Сердкова, а там - наверху. И снять напряжение может только народ - такелажник. Но лучше бы Николаи Алексеевичи сами сообразили и не ждали прихода такелажников.

ПИРАТ! ГЛАВИНЖ ИДЕТ

Буровики знали, что я не пуританин, но знали также и то, что на буровой я не терпел игры на деньги и выпивку. К выпивохам на рабочем месте я был жесток. В первые месяцы работы я пару раз гонял вертолет за ними, отправлял в медпункт к Потаповне на трубку и, вполне законно, ставил прогулы, а стоимость прогона относил за счет виновных. Двигала мной забота об их жизни: на буровой повышенная опасность.

Специального досмотра на вертолетке я не проводил, но, если случалось застать на месте преступления, я бил бутылки о вертолетку со словами:

- Потом скажете, сколько я вам должен.

Кроме бутылок, пришлось мне воевать с владельцами собак.

Мало того, что свора собак на буровой - конфликт с местными ханты, это и проблема перевозки. Мы, другой раз, работали аж на куличиках. А тут десяток - полтора собак.

И буровики отыгрались на мне. Как-то на вертолетке, в ожидаловке, не заметив меня, старший дизелист, хороший, как мне казалось, мой друг, под хохот вахты скомандовал своему огромному лохматому псу.

- Пират! Главинж идет. Пес сжался, уменьшился в размерах, нырнул под лавку и замер там беззвучно.

Я сначала обиделся, а потом захохотал вместе со всеми.

ВАС ПОНЯЛ

Начальнику ПТО передаю по рации:

- Побудьте еще пару дней на буровой, сделайте то-то и то-то!

Отвечают.

- База! База. Сплошная помеха, ни-и-и-ч-чего не понимаю.

Еще пару раз повторили и все равно:

- Ни-и-и-ч-чего не понимаю.

- Ладно! Вылетайте на базу.

- Вас понял! Вас понял! Вылетаю на базу.

ВИТАМИН "Ж"

В конце дня встречаюсь с Н.А.Сердюковым. Заметил, что у него что-то за щекой. Разговаривая, он перекинул "это" за другую щеку: лавровый лист. Ага! Вместо мускатного ореха, чтоб запаха не было.

- Запахи маскируем?

- Обижаете, В.Н., - витамины ж в лаврушке! Против кариеса зубов! - нашелся Н.А.

А Я ПРИКАЗЫВАЮ

- На разрядке начальник БПО возмущается:

- В.И. Это же несерьезно: эту работу двумя бортами не выполнить. А у нас на базировке - один. По буквам - один вертолет.

Начальник.

- А я тебе приказываю: сделать.

У каждого ваховчанина на рыбалке, на охоте столько было забавных, до смеха сквозь слезы, случаев, что я хочу ни одного приводить, дабы никого не обидеть. И только для своей дочери (ей тогда было семь лет) сделаю исключение.

Однажды в августе мы решили поблеснить щуку в первом Урье. Дочери же я дал нормальную удочку и оставил ее у переправы, а сам, вместе с капитаном катера, пошел вдоль реки. Снасть немудрящая: блесна на леске

длинной метра четыре, удилице - тальниковая, тут же выломанная палка.

Бум - блюм. Бум - блюм. Бум - блюмс. Естественно: на четвертом-пятом закидывании - рывок, вода запенилась, запела тетивой леса и щука на кило четырехста-полтора у тебя в садке.

И вдруг.

- Папа!..Ай, папа, помоги!

Бросил снасть, бегу.

- Ты чего?

- Ой, помоги! Щука удочку отнять хочет.

Я не позволил этого сделать. Щука, которую поймала моя дочь, оказалась самой крупной и красивой. И дочь очень возгордилась этим, хоть больше ничего и не поймала.

ЩАЙ ИЩАБЫС

Чуть сгустилась эмульсия белой ночи, прохлада и сырость свежепобеленного мира ощутилась, загасли, выделяясь из белого света, потом, росой, - радужные цвета: горьковато-черемуховый, умбро-коричневый, сладимо-багульниковый, стрельчатый-лазерным лучиком, на изумрудно-коричневом бархатно-мшистом фоне.

Я вышел из гостей от Верхне-Толькинского Кочерыги, окающий, на его манер, в разговоре, хранящий в памяти его говор: надо было, не расплескав впечатления, попытаться занести их на бумагу.

И тут тормазнул один из многочисленных ваховских "2141" и меня окликнули:

- В.Н.! Подвезти?

Смуглый, по-узбекски красивый, с чистой белозубой улыбкой, по-йоговский спокойный и мало разговорчивый, предупредительно открывал дверцу "Москвича" бывший помбур Мааса Аскарв.

Он давно был симпатичен мне, также как и его супруга, круглолицая доброжелательная медсестра здравпункта Фая. И я автоматически сел в салон автомобиля.

- У Аскардовых было чаепитие!

- Щай ищабыс! - вспомнил я студенческие годы в Уфе. Веселое было чаепитие: со свежей заваркой и шуткой.

С воспоминаниями:

- Вместе в школе учились по 8-й класс, - говорит в основном жена, муж белозубо улыбается. В Янковском районе. Деревня Карбаны. У родителей - Мунибы Хасановны и Хабибрахмона Абдурахмановича в этом году юбилей: золотая свадьба!

...Брызжит в окна белая эмульсионка июньской ночи, тускнеют краски, размываются силуэты: белая мгла застит свет.

Прощаюсь с хозяевами.

- Зур рахмат, Аскарковы. И вам золотой свадьбы.

ПИТИЧКА ЖЮ-ЖЮ

Октябрь уж наступил.

В том числе северный.

Буровая в летнем монтаже. Котла нет. Столовая под навесом.

Улетать пора бы, да случилась авария с обсадной колонной.

Абессалом Абажидзе, ст.инженер по креплению, года три уже после Тбилисского политеха мужественно прошедший период адаптации к северу, известный своей порядочностью удивляется.

- В.Н.! Нэ понимаю. Виноват я в аварии - фу - готов отвечать. Но нэ понимаю. Что ей не понравилось?

Я тоже.

Вызываю каротажников: может по их данным пойдем.

ЭТО ЧТО ЗА ЧЕРТОВЩИНА?

Логанов Ю.Д., в то время начальник управления разведочного бурения Главтюменьгеологии, впервые в Ваховске. Смотрит затребованные справки, возмущается.

- Да вы что! И ПКЗ в мелочевке бригады возите? Да мы в УБР /он только первый год от нефтяников/ давно их повыбрасывали: на ПКР перешли.

И далее в таком духе.

В это время в отопление пустили пар: сначала началась стрельба, потом скрежет /при нагревании тела удлинятся!/ над Логановым, он даже пригнулся.

- Что это за чертовщина у вас? - воскликнул, опасно обернувшись.

Выслушав объяснение, дал ЦУ.

- На водяное надо переходить.

ЭЙ, ВЫПИТЬ ХОЧЕШЬ?

Во время культурной революции я сам был и.о. и все остальные и.о. Я рассудил: исполняет обязанности зама - пусть так и значится, и, соответственно, получает. В этом случае и спросить можно. В этом, собственно, и заключалась культурная революция: посоветовался я с финансистами, главбухом, ОК, - можно? - и.о. - можно. Ну и назначил. Но попросил: только, мужики, отработайте хотя бы на 101%! И мужики старались!

Валерий Агапов организовал коллективный выезд на подледный лов. Ко мне принес перед этим проект приказа, уже согласованный соответствующим образом со службами и разведкомом профсоюза о выделении средств на премирование этого мероприятия.

- Всем по серьгам - пояснил он. За самый большой улов - и самый маленький. За самую большую рыбку - и самую маленькую. А чего еще? По унтятам - меховым носкам дадим и хорош. Честь важна, а не подарок. Уговорил.

Уговорил меня и самому слетать.

На грифельно-темном окуневом озере разноцветными буквами, иероглифами, закорючками рассыпались вахские рыбки. Постепенно превратились они в шахматные фигурки, в бочоночки лото.

- Семь!- кричит кто-то радостно с одной стороны.

- Во-семь! - уже с противоположной стороны.

Азарт вступил в свои права.

Хоть бы одну поймать! - завистливая мысль.

Минут за сорок до вертолета началось движение к эндшпилю. Жюри, претенденты на рекорды, споры, смех, галдеж. Победители повесили на шею свои призы, подвернув ослепительно белую цигейку унтят - чтоб виднее было.

Воздух ли, свет ли (как в полете: отовсюду), улов ли тому причиной, - все благостно-возбуждены, приветливы, добросердечны друг к другу, и когда прилетел первым рейсом вертолет, не лезут по-московски, а по-питерски пропускают друг друга. Была возможность, каждый выходной летал на рыбалку: азартная это штука, должен признаться.

До это ж яд.

При забурке 20-Коттынской говорю буровому мастеру Сидорову.

- Николай Васильевич! Уберите с глаз спирт, не вводите людей в грех.

Н.В. всю жизнь проработал в Татбурнефти, у нас бурит только вторую скважину.

- Да что вы, В.Н.! - отмахивается удивленно. - Куда денется. Ведь спирт - яд! Кто возьмет.

Ночью захожу в культбудку Н.В., усталый, задерганный, постаревший, сидит у рации, горестно подперев подбородок рукой. Увидев меня, трагическим шепотом восклицает.

- В.Н.! А ведь вы были правы.

Для него эта зимняя забурка на севере первая, я во многом мог быть правым, поэтому, желая уточнить в чем, спрашиваю его.

- Да в отношении спирта! - тянет он. - Взял: кто-то! Отравится могут.

- Не отравятся! - успокаиваю его. - Это те еще химики. Из ГКЖ спирт добывают и очищают. Сейчас, чуть погода, застужаем.

- Вы так думаете? Тогда ладно! - обрадовавшись и ропщая химиков оживает Н.В. - Чего уж людей беспокоить, пусть отдыхают, лишь бы не отравились. Вскоре он уехал обратно в Татарию.

ЗДРАВСТВУЙ, ПЛЕМЯ МЛАДОЕ, НЕЗНАКОМОЕ

Пригласил меня директор школы первого сентября 77-го года сказать несколько слов на линейке.

И вдруг я так заволновался, в горле перехватило. Сказать что-то о зависти к ним, первоклашкам, которым предстоят великие открытия. О том, чтобы они- гордились своими родителями - первопроходцами. И чтобы были куликами своего болота, т.е. малой родины - Ваховска.

И что? Через семнадцать лет иду по Ваховску, здороваюсь, отвечаю на приветствия.

- На кого из них этот молодой человек похож или эта симпатичная женщина? И прорежется в памяти. это же с той или более поздней линейки.

А иные идут уже и с новыми первоклашками.

Это ж прекрасно: не переведется Русь, как и прежде, возродит ее глубинка, провинция.

БАЛОК

*Помнишь, с вахты приходили
Мы, продрогшие, в балок
И соляжкой разводили
В печке жаркий огонек?*

*Становилась печка алой.
И поэтому в балке
Настоящий был, пожалуй,
Как шутили мы, Ташкент!*

*Помнишь, в спальники забравшись,
После ужина с тобой
Спорили про будни наши
И мечты наперебой.*

*Но в одном всегда сходились,
Если честно говорить,
Мы в таких балках учились
И работать и дружить.*

*Эти праведные мысли
Этот вой и рев ветров
Мы с тобой сегодня вышли
На проспекты городов.*

*Тех, что выросли за нами,
Где теряли мы друзей,
А балок сдадим на память
В краеведческий музей.*

*И придумаем, товарищ,
Песню мы про свой балок
Вроде песни про фонарик
Иль солдатский котелок.*

НАЧАЛЬНИКИ НГРЭ

1. ПОЗДНЯКОВ Петр Степанович (1.10.64 - 15.07.65)
2. МОРОЗОВ Николай Михайлович (15.07.65 - 15.07.69)
3. ЕРЕМЕЕВ Геннадий Иванович (26.10.69 - 1.06.70)
4. САПОЖНИКОВ Виктор Михайлович (11.06.70. - 11.09.74.)
5. ВЫРВЫНИШКО Александр Яковлевич (11.03.74. - 1.03.79.)
6. ЧЕРНОВ Виктор Федорович (12.03.79. - 1.03.81.)
7. ВЫРВЫНИШКО Александр Яковлевич (2.03.79. - 1.03.81.)
8. МАЛДЖАНОВ Низамиддин Мамед оглы (21.09.84. - по настоящее время)

ГЛАВНЫЕ ИНЖЕНЕРЫ ВАХСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

- 1.ГОЛЬДИН Анатолий Кузьмич (15.10.64. - 10.09.66.)
2. ПУЛЕЙКИН Валентин Васильевич (13.06.66. - 11.06.69.)
3. ЛИПЯВКО Юрий Дмитриевич (21.04.69. - 7.02.72.)
4. БАШКОВ Геннадий Григорьевич (21.05.72. - 01.04.74.)
5. ФИЛИМОНОВ Валерий Викторович (25.03.74. - 24.03.75.)
6. КОЗЛОВ Виктор Николаевич (15.03.75. - 29.06.81.)
7. ГУСЕВ Владимир Георгиевич (13.02.81. - 8.07.81.)
8. ПОТОПАЛЬСКИЙ Валентин Сергеевич (24.09.81. - 4.01.83)
9. ПОПЕЛЬ Юрий Орестович (14.01.83. - 1.11.84.)
10. АНКУДИНОВ Анатолий Николаевич (1.11.84. - 3.11.86.)
11. РАХМАТУЛЛИН Рашит Фаритович (4.11.86. - по настоящее время)

ГЛАВНЫЕ ГЕОЛОГИ

1. САФОНОВ Владимир Степанович (1.10.64. - 30.07.66.)

2. ЕЛИЗАРЕНКО Борис Михайлович (22.07.66. - 02.02.77.)
3. БАГРОВ Юрий Михайлович (02.02.77. - 20.09.78.)
4. МАЛДЖАНОВ Низамиддин Мамед оглы (01.09.78. - 21.09.84.)
5. КАСПШАК Виктор Валентинович (18.10.84. - по настоящее время)

ВETERАНЫ ВАХСКОЙ НГРЭ - жители п.ВАХОВСК

- 02.03. 62. ЖДАНОВ Иван Алексеевич
23.11.64. МАСТЯЕВ Геннадий Иванович
11.08.66. ГРАЧЕВ Павел Алексеевич
03.01.66. МАСТЯЕВА Любовь Васильевна
19.07.66. КАЙГОРОДОВ Александр Федорович
15.09.66. НАГАЕВ Владимир Арсентьевич
15.07.66. СЕМЕНОВ Виталий Семенович
28.09.66. НАЛОБИН Владимир Алексеевич
28.09.66. НАЛОБИНА Зоя Афанасьевна
05.09.66. ШУМИЛОВА Галина Михайловна
23.11.67. КРИВОЩЕКОВ Вениамин Тихонович
01.08.67. СОШИНА Галина Федоровна
05. 08.68. БОГОВИЧ Ираида Васильевна
21.02.69. БОГОВИЧ Анатолий Фомич
10.02.69 ПЕСТРИКОВА Валентина Евгеньевна
12.03.68. ЛОГИНОВ Иван Нестерович
06.02.68. ЛИЦ Эйгарт Эвальдович
25.10.68. УЙМИНОВА Галия Кучемьяровна
26.01.68. ЮСУПОВ Фанави Фазлиахметович
25.10.68. ЮСУПОВА Насима Фатиховна
20.08.69. ВЫРВЫКИШКО Людмила Ивановна

02.10.69. ГРАЧЕВА Валентина Ивановна
18.04.69. ЯРКИНА Кульбарис Айняшевна
02.10.69. БОГАТКИН Анатолий Алексеевич
08.08. 69. КСЕНОФОНТОВ Юрий Иванович
15.08.69. КВАША Иван Филлимонович
03.07.70. ГОРЯВИН Юрий Анатольевич
27.04.70. КОЗЛОВ Петр Борисович
31.07.70. ШМЕЛЕВ Владимир Александрович
14.11.70. ВАУЛИНА Татьяна Викторовна
16.03.71. ЖДАНОВА Людмила Михайловна
22.06.71. КАЙГОРОДОВ Петр Федорович
20.09.71. МУХАМЕТРАХИМОВ Ахматулла
13.10. 71. ФЕДОТОВ Василий Григорьевич
21.01.72. ЗИМИН Анатолий Михайлович
30.05. 72. КАЙГОРОДОВА Валентина Ивановна
14.06.72. КОЧНЕВА Мария Александровна
12.04.72. КУЗЯКОВА Валентина Михайловна
19.06.72. МАЛЫШЕВ Владимир Иванович
24.07.72. ФОМИНА Александра Федоровна
23.08.72. НЕФЕДОВ Валентин Артемович
14.09.73. ВЕРЕТА Василий Иванович
31.07.73. ВОЛКОВ Геннадий Анатольевич
14.03.73. КОНОВАЛОВА Тамара Федоровна
03.08.73. САФРОНОВ Николай Дмитриевич
26.10.73. КОРЕНЧУК Алексей Куприянович
04.09.73. КАЙГОРОДОВ Анатолий Федорович
26.10.73. КАНДЫБИН Александр Григорьевич
17.02.73. ФЕДОРОВ Валентин Артемович
13.08.73. ЩЕЛКОНОГОВ Александр Витальевич

05.09.72. ЩЕЛКОНОГОВ Владимир Витальевич
11.04.73. ЩЕЛКОНОГОВА Людмила Анатольевна
08.10.74. ГАНИЕВ Рамзиль Зуфарович
10.09.74. ГАЛУШКО Анатолий Филимонович
06.04.74. ГАЛКИНА Галина Алексеевна
25.07.74. КВАША Михаил Петрович
05.06.74. ЛЕВЧЕНКО Анатолий Иванович
30.01.74. НАЖИТКОВ Иван Александрович
30.07.74. РАХМАТУЛЛИН Рашит Фаритович
 ЗОЛЬНИКОВА Анфия Семеновна
 КАРАНКЕВИЧ Филипп Филиппович
 КОНОВАЛОВ Аркадий Григорьевич

Статистические данные:

Количество магазинов:

1. Хлебный
2. Промтоварный
3. Продуктовый
4. Акционерный магазин - ларек
5. Два коммерческих:
 - а) Минкин
 - б) Каширин

*** Кол-во жилья в среднем на одного человека - 8м²

*** Кол-во телевизоров - каждая семья имеет телевизор "Самсунг", видеомагнитофон "Самсунг", холодильник "Самсунг", стиральную машину "Самсунг"

*** Кол-во автомашин - 85

*** Кол-во коров:

а) частных - 33 держат поголовье, крупный рогатый скот,

- б) на коровнике - 20 дойных, 15 голов молодняка
- *** Кол-во коней - 3 головы
 - *** Численность населения - 1500 человек
 - *** Кол-во учащихся в школе - 311 человек
 - *** Кол-во детей в д/саду - 140 человек

053655002

Мегион ЦБ-КО

Дорога длиною в 30 лет

Редактор: Б.Сырпин.

Фото: Ю.Филатова, Б.Сырпина.

Сдано в набор 21.09.94. Подписано в печать 30.09.94. Формат 60x44-1/8.

Бумага типографская №1. Гарнитура "Arial Cyr". Печать офсетная.

Ф.П.Л.8. Кр.отт.16. Тираж 2 тыс. Заказ №100.

Издательство "Приобье", г.Нижневартовск, ул. 6П, дом 10.

30p00k